

Народные судьи

Судей и народных заседателей может быть избран каждый гражданин СССР, пользующийся избирательным правом и достигший к дню выборов 23 лет, — гласит одна из статей Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. В ней выражена подлинная демократичность советского суда, стоящего на страже интересов трудящихся и государства, на страже советской законности и правопорядка.

Может быть избран каждый... Так сказано в законе. Сам народ ставит на высокий пост судьи того, кто достоин его высокого доверия, кто своим беззаветным служением Родине завоевал право судить именем Республики, именем народа.

Высокие требования предъявляют трудящиеся к своим избранникам. В народном суде они хотят видеть деятеля Ленинского типа: твердого и выдержанного, мудрого и неторопливого в решениях и выводах, обладающего принципиальностью, правдивого и смеялого.

Эти качества необходимы народному судье при решении любых дел. Именем народа борется наш суд за точное и неуклонное выполнение советских законов, строго карае тех, кто совершает тяжкие преступления против общества, против здоровья, чести советских людей, наказывая тех, кто мешает людям спокойно трудиться, жить, отдыхать, — всех, кто мешает нашему движению вперед.

Особенность советского суда, принципиальное отличие от суда капиталистического заключается в его воспитательных функциях.

Об этом сказал М. И. Калинин: «... Народный суд, выполняя каждый раз конкретную задачу выявления и соответствующего наказания лиц, виновных в том или ином преступлении, одновременно проводит огромную массово-разъяснительную работу, мобилизует присутствующих на самопроверку, на улучшение своей собственной работы, на лучшее исполнение своих обязанностей, на соблюдение социалистической дисциплины».

В самом деле, разве сам судебный процесс с его гласностью не служит мощным средством воспитания, общественного воздействия на нарушителя закона? Разве не слышит обвиняемый суровое осуждение за свои преступления не только в речи прокурора, но и в безмолвии тех, кто присутствует в зале? Разве силу этого воздействия не испытывают и те, кто не совершил преступления, но чья моральная неустойчивость могла бы привести к нарушению советской законности?

Природе советского суда чужды формализм и казенщина. Все многообразие, сложность дел, будь то уголовные или гражданские, требуют от судьи не только больших знаний, но и высоких моральных качеств, большого сердца, умения глубоко проникать в судьбы людей, умения видеть не только прошлое и настоящее, но и будущее тех, кто стоит перед судебским столом.

Какой бы многолетний опыт ни был за плечами у судьи, он не найдет в своей практике абсолютно схожих дел, позволяющих при разборе их воспользоваться, как шпаргалкой, предыдущими выводами. Только творческое, всестороннее исследование того жизненного конфликта, который кроется нередко за судебным делом, позволяет ему найти дорогу к истине, правильно решить дело, связанное с человеческими судьбами. И если судья работает так, какой благодарный отклик получает он!

«Мы вышли от вас, взволнованные до глубины души, — пишут муж и жена К. одному из ленинградских судей. — Ваш подход к людям заслуживает сердечной признательности. Мы благодарим вас за то, что вы во время слякчи и нас напутнули. Своим словом вы держали и делаем все для того, чтобы наша мать свою старость прождала спокойно. Суд наш — действительно народный. От души ждем вас руку».

Чем же были продиктованы эти теплые строки? Об этом стоит сказать хотя бы коротко. На прием к судье пришла мать рабочего ленинградского предприятия. Сын забыл о своих обязанностях — не помогать ей материально. Мать ума не приложит, что произошло с ним, всегда таким отзывчивым. Решив обратиться в суд, Есена бы судья отнесся к делу формально, беседы закончилась бы с возмущением с иском. Но судья не дал разволновать в тяжелой семейной конфликт. Беседу с огорченной матерью он продолжил вскоре в присутствии К., его жены и секретари

партийной организации завода, где работает К. К каким благим результатам привел этот душевный разговор, красноречиво свидетельствует приведенное выше письмо.

Факт примечательный! В нем наглядно раскрывается одна из сторон деятельности советского судьи — воспитателя и пропагандиста морально-этических норм социалистического общества. В одном случае такая беседа в кабинете судьи предупреждает развод, сохраняет семью, в другом — послужит строгим предостережением клеветнику, в третьем — заставит одуматься сына, пренебрегшего своим долгом по отношению к родителям.

Высок в нашей стране авторитет судьи. Судья независим и подчиняется только закону. Его работу просверяет народ. Перед народом отчетывается он в своей деятельности. И если судья забывает о своей миссии, если подходит к разбору дел легкомысленно, поверхностно, если в его деятельности появляются элементы формализма, казенщины, — избиратели ляпают такого судью полномочий и отзывают его.

Так произошло в Завьяловском районе Алтайского края. Дурную славу стяжала себе здесь судья Менделеев. Небольшими, но частыми, необъяснимыми решениями, грубостью, занятием, аморальным поведением в быту она подорвала доверие к себе.

Чашу терпения завьяловцев переполнил неправильный приговор по делу свинарки маслосовхоза Горюшкиной, осужденной по клеветническому заявлению. По кассационной жалобе Горюшкиной краевой суд отменил приговор, и при новом рассмотрении она была полностью оправдана.

По требованию общественности Менделеева, не раз нарушавшая социалистическую законность, была досрочно отозвана с поста народного судьи.

Избиратели постоянно слезят за работой судей. Критические замечания трудящихся, предложения, которые раздаются во время отчетов народных судей, направленные на улучшение деятельности их, помогают бороться с волокитой, бюрократизмом, казенщиной.

...На основании статьи 109 Конституции СССР и соответствующих статей Конституций союзных республик в декабре будут проведены выборы народных судей. Тысячи агитаторов пришли в эти дни на квартиры избирателей. Рассказывая о принципах советской социалистической законности, о советском суде, агитаторы приводят и факты из жизни в странах капитализма, где буржуазная законность и буржуазный суд подчинены одной цели: укреплению господства эксплуататоров. Эту антидемократическую сущность буржуазной законности исчерпывающе характеризует американская поговорка: «Если вы украдете кусок хлеба, вас посадят в тюрьму, а если вы украдете железную дорогу, вас сделают сенатором».

Лучше не скажете! Даже герой старинной комедии Г. Фильдинга «Судья в ловушке», даже этот циничный стяжатель, мздоимец и ханжа, выглядят невинным младенцем в сопоставлении с его потомками в судебных мантиях, вроде американского федерального судьи Марфи, получившего свой пост с помощью гангстеров.

Факты продолжались, беззакония буржуазных судов столь наглядны и вопиющи, рост преступности так значителен, что даже реакционная пресса США не в силах утаить их от народа. Но если реакционная пресса упоминает об этих фактах сквозь зубы, мимолетом, то прогрессивная печать, передовые писатели в странах капитализма гневно изобличают в своих произведениях всю прогнившую систему буржуазной «законности», сатирически осмеивая ее представителей. Создана целая галерея образов неправых судей царской России и в нашей классической литературе.

Советскому правосудию принадлежит высокая и благородная воспитательная роль. Это — область, в которой работают тысячи скромных тружеников, чья жизнь есть упорная, настойчивая борьба с пережитками капитализма, борьба за чистоту морального облика советского человека.

Таких людей, завоевавших своим трудом доверие избирателей, выдвигает ныне народ кандидатами на пост советских судей. Нет сомнения, что и предстоящие выборы народных судей, к которым коммунисты и беспартийные идут в тесном блоке, сплоченные вокруг Коммунистической партии, явятся новым торжеством советской демократии.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 139 (3323)

Вторник, 23 ноября 1954 г.

Цена 40 коп.

ЗА ДОСРОЧНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ!

Инженер Кузовков, его друзья и противники

Нат. СОКОЛОВА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

— Заходите! Рассаживайтесь! — Главной технолог завода Кузовков встал из-за стола навстречу гостям: лицо его, молодое, округлое, без резких линий и теней, казалось спокойным, глаза были надежно спрятаны за очками.

Делегация была высокоавторитетная — руководящие работники заводов и главков «соседнего» министерства. Они приехали сюда в те дни, когда московские производственники начали всесоюзное соревнование за досрочное выполнение плана пятой пятилетки. О новаторских делах коллектива Ярославского автомобильного завода уже было известно. Хотелось убедиться вочию.

Седоголовый инженер, хорошо известный среди машиностроителей страны, грузно сел в кресло:

— Так как же, Александр Александрович? Действительно набрели на что-то новое? Или... он приунылся, — дым без огня? Оно ведь и так бывает иногда. Рассказывайте-ка...

Отвечая на минуту от разговора в кабинете главного технолога Ярославского автомобильного завода, пройдем по аллее, где стоят приготовленные к отправке грузовики с металлом на радиаторе, заглянем в цехи. Это поможет нам лучше понять то, о чем идет речь.

Известно, что существуют две формы организации производства — массовая поточная и серийная. Представим себе множество одинаковых деталей, похожих друг на друга, как близнецы. Они, как река, текут от станка к станку, от операции к операции, равномерно поступая на сборку в конце своего пути. Это — поток, высшая форма организации производственного процесса. Линия станков предназначена при этом для обработки одной определенной детали. Рабочий занимается только этой деталью, и ничем другим.

Но вот мы с вами находимся на серийном участке, каких немало в цехах Ярославского завода, — самые разнообразные детали изготавливаются здесь небольшими партиями. И получается так, что токарный сверловщик на своем станке уже не обрабатывает изо дня в день какую-нибудь втулку или полушар, а в течение даже одной смены вынужден прирабатываться всякий раз к новому виду деталей, изменять свои привычки, приспособлять рабочее место.

Сколько возникает сложностей! Каждый раз, когда заканчивается обработка партии определенных деталей, процесс обрывается — нужно снимать одно приспособление для зажима детали и ставить новое, менять набор режущих инструментов, их держатели. Переналадка иного станка длится подлота-два часа, а иного и всю смену. Тем временем станок простаивает, а вместе с ним и рабочий. А ведь потери во времени — это потери в производительности труда!

Сколько раз, принимая на себя социалистические обязательства по досрочному выполнению плана, производственники прикидывали: «Эх, если бы ликвидировать эти потери, сколько мы сумели бы дать лишней продукции! Вот они где, резервы!».

Внедрить на серийных участках поточный метод? Но извана считалось, что там, где производится серийное, поточное производство. Это было устойчивое, привычное убеждение. «В самом деле, если деталь требуется в небольших количествах, — утверждали многие, — то разве можно выделить для ее обработки отдельную линию станков? Станки не будут загружены, начнут простаивать. Нет, серийное производство — значит непрерывное производство, никогда ему не подняться до потока».

Но инженер Кузовков не хотел примириться с этим неписанным законом. «Да, на серийном участке не построены потоки из одинаковых деталей, то есть такой поток, к которому мы привыкли, — рассуждал он, — ну, а если... если создать поток из группы деталей, подобранных с таким расчетом, чтобы полностью загрузить оборудование? Если создать групповой поток?»

Нашлись противники этой смелой мысли и просто маловеры, сомневающиеся, не нашлись и соратники. После длительных исканий, кропотливых расчетов, после первых закономерных неудач были разработаны и приспособлены и наборы режущих инструментов, с помощью которых на обыкновенном станке можно было вести одновременную и непрерывную обработку целой группы различных по конструкции деталей. Никого из производственников не могло удивить многократное приспособление, позволяющее одновременно обрабатывать не одну, а пять, десять, пятнадцать одинаковых деталей. Но разных...

— Очень уж это ново, — сказал чей-то растерянный голос, когда Кузовков кончил свое сообщение. — Кто его знает, как оно...

— Не делайте так! — откликнулся другой голос.

— Не делайте, а теперь вот делаем, — Кузовков снял очки, глаза его смотрели весело и азартно, лицо без очков стало совсем другим, по-мальчишески озорным. — Милости просим, дорогие гости, в цехи. Посмотрите то, что у нас уже в металле... Технические споры в кабинете не решаются!

Гости, шурша плохо гнущимися пальцами кожаных пальто, двинулись к выходу.

Технолог Лобанов, немолодой, сдержанный человек, не без гордости водил гостей по своему участку — как-никак тут была

осуществлена первая на заводе групповая наладка.

Не спеша двигался стол продольно-фрезерного станка, тяжело нагруженный металлом, в одном многометровой приспособлении были зажаты одиннадцать деталей разных размеров, разной конфигурации, каждая подставляла под фрезу ту плоскость, которая была предназначена в этот момент для обработки.

— Ох, и солоно же нам приходилось в недалеком прошлом, — вспоминал Лобанов, покачивая головой. — Одиннадцать деталей, это понимать надо, и после каждой — переналадка... Стремимся к возможно большему партиям одинаковых деталей, чтобы поднять производительность. Но в даром говорят, что серийность и комплектность — враги. Если делать слишком долго одну деталь, то другая, как у нас выражается заводской народ, начинает «протираться на дефицит» — ведь обе нужны на сборке. А там и третья, и пятая, и восьмая уже в дефиците. Так вот мастер и крутится, как белка в колесе...

Было время, когда на всех диспетчерских и прочих заводских свеченных рутельских ругали цех шасси. Он держал сборку, его детали же только не обрабатывались к концу месяца — и в экспериментальном цехе и у инструментальщиков. После того, как в цехе налажено было несколько групповых потоков, на совещаниях никто больше не упоминал ни о кронштейнах, ни о картерах (это верный признак благополучия, когда на заводе «собирают» о том или ином изделии: значит, оно имеется в достатке). Участки ритично, без лихорадки погавали нужные детали, хотя не получили ни дополнительной площади, ни станков.

Если кончались заготовки для одной детали, в недалеком прошлом это означало переналадку, неизбежную простой. Теперь же одиннадцать деталей в групповом потоке составляли как бы единое целое, поскольку не требовалось менять наладку, поскольку для каждой детали было готово раз и навсегда свое гнездо. Так ли велика беда, если для одной из этих деталей придется встать в очередь? Одно гнездо останется незаполненным, только и всего. Станок будет обрабатывать десять деталей вместо одиннадцати до тех пор, пока не впадет недостающая заготовка. А тогда снова поток из одиннадцати деталей равномерно потечет от станка к станку, от операции к операции, создавая единый непрерывный процесс.

— Очень уж у вас детали подходящие, — пожаловался один из гостей.

Лобанов скупко усмехнулся — «подходящие» детали не бывает, все они упрямы, своевольны, неподдающиеся. А поработает человек головой, приложит свое умение, тогда и детали станут послушными, как будто специально для новой технологии предназначенные! Вот оно как.

Кто-то уже вертел палецник на пиджаке технолога, выпрашивая, долго ли провозились с первой групповой наладкой, кто-то точными, легкими движениями остро заточенного карандаша набрасывал для себя рабочий эскиз.

— М-да. Есть интересные конструкторские решения, — сказал вологодский седоголовый инженер его сосед, задержавшись в узком проходе между станками, — но что касается потока в серийном производстве... все это от лукавого, чуждые слова. На одном московском заводе очень много, как мне передавали, — сообщил он доверительно, — там не верят, что можно полностью загрузить оборудование. И вот в ЦК союза... многие косяк смотрят. Имейте это в виду!

Тот, к кому были обращены эти «благоразумные» советы, ответил грубовато: — Вы прищипайте — так смотрят... а не слышат.

Фрезеровщик Макеев, смущенно глядя на Лобанова и тыльной стороной руки убирая волосы со лба, отвечал на вопросы придирающих гостей.

— Значит, — вы выигрываете на одновременности обработки нескольких деталей? — Мы выигрываем в первую очередь за счет непрерывности процесса, — вежливо, но твердо поправил Макеев, — за счет точности. Выигрываем потому, что работаем без переналадки станков, при одной постоянной их настройке. А одновременно — это уже дело второе, поскольку...

Седоголовый инженер одобрительно поев темными бровями. Что ж, еще Суворов говорил, что хорошо, когда каждый солдат понимает свой маневр. Этот молодой фрезеровщик с перемаланным круглым лицом отлично усвоил не букву, но самый дух новой технологии.

Кузовков поднялся к себе в кабинет, зажег свет, постоял, не снимая пальто: каждый такой приезд гостей был для него испытанием и стоил большого внутреннего напряжения, хотя внешне он умел казаться спокойным. «Дело сделано, групповые потоки живут!» — сказал ему на прощанье седоголовый инженер и крепко пожал руку, затем безжалостно перечеркнул все слабые места, все, что было еще не решено или решено наполовину. А закон-

чил так: «От холодного душа здоровый ребенок делается еще здоровее».

Похвала окрылила Кузовкова, а критика не испугала его — он всегда предпочитал самую острую борьбу мнению нейтралитету. На его вкус, умный, убежденный противник был полезнее для дела, чем доброжелательный сторонний наблюдатель. Хорошее начинание труднее бывает порою устранить прямым запретом, чем просто задумать равнодушным.

Возвращаясь, Кузовков присел к столу. Да, надо быстрее, решительнее двигаться вперед, более крупными шагами. Уже намечаются типовые решения — это очень важно; множится, накаливается опыт, рождается метод. Упрочается техника проектирования — с первыми наладками мучились по два месяца, искали, спорили, меняли, а сейчас конструкторы делают по пяти наладок в месяц. «Лыжня проложили, — шутит молодежь, — теперь по ней многие пройдут».

Пройдут ли? Зову дали возможность заниматься групповыми наладками, имеется соответствующий приказ главка, создана конструкторская группа. Новое существует, новому никто не возражает пробовать себе дорогу. Все благополучно, как будто не на что и жаловаться...

Нет, есть на что жаловаться! Не мешать новатору — этого мало. Помогать новатору, создавать ему условия — и этого уже недостаточно. Это сейчас просто норма поведения в нашей стране. Изучение передового опыта и распространение его — из цеха в цех, с завода на завод, из отрасли в отрасль — вот то условие, без которого поддержка нового становится формальной, без которого нет огня соревнования, нежизнненны отдельные проявления инициативы.

Еще восемь месяцев назад «Правда» писала о почине ярославцев. Их поддержала общественность города. Почему же так долго раздумывают министерство и ЦК профсоюза вместо того, чтобы по-деловому распространять этот опыт на другие предприятия? Разве на заводе не вправе были ожидать, что групповым потоком повзвизгуют оин из своих вторников газета «Труд»? Что такой научно-исследовательский институт, как Орловпром, откликнется одним из первых, проявит хорошую хозяйскую заинтересованность и хозяйскую же требовательность, поможет оценить то, что сделано? Нет, этого не случилось.

Приходили письма, приезжали люди с других заводов — выражали удивление, почему до сих пор в специальной печати ничего не прочитано об опыте ярославцев, нет ни брошюры, ни статьи, хотя первые групповые наладки на заводе были осуществлены больше года назад. Спрашивали: неужели не заинтересовал этот издательство Машгиз? Что им ответить? Ярославские люди пожали плечами, — нет, не заинтересовались.

Да что и говорить, не все похоже на седоголового инженера, который унес сейчас с собой толстый рулон чертежей, прикрытый его от дождя кожаной полкой, словно оберегая мысли и находки ярославцев. Встретается и совсем другое отношение... Кузовков потянулся за толстым конвертом, извлек уже знакомые ему листки.

Журнал «Автомобильная и тракторная промышленность» прислал вместе с сопроводительным письмом поминика редактора Смирновой отрицательную рецензию на статью о групповых потоках. Безымянный рецензент, во-первых, «защипал» серийное производство и обосновывал необходимость «выпуска в небольших количествах тех или иных видов машиностроительной продукции» (а кто это отрицает?), а во-вторых, отмечал композиционные и прочие недостатки статьи, которые делал ее пока что непригодной к печати. Редакция присоединялась к рецензенту.

То смелое, значительное, что лежало в основе почин ярославцев, что уже действовало в цехах, существовало в металле, не возводило редакцию специального журнала!

Нельзя думать, что новое, передовое само пробьет себе дорогу, без борьбы встретится в любом случае. Оно рождается и утверждается в борьбе. Те, кто мешают, активно противодействуют — это враги нового. А те, кто не помогает новому, сторонятся от борьбы, унывают руки, — разве они не препятствуют? Они не polemизируют по существу, они не имеют своей точки зрения. Они, собственно говоря, не возражают — вялят, экспериментируют (если будет возможность), держат (если удастся), только нас оставляют в покое.

Кузовков сложил листки, отодвинул их в сторону и прядил тяжелей пресепалье. Пора братья за работу, она не жет.

Принято обычно подчитывать эффект каждого новшества — распространено на столько-то заводов, за полгода получился такая-то прибыль государству, а за год уже такая... А не стоит ли эти цифры дополнить иными цифрами? Подсчитывать, например, так: имелось шкрасное начинание, о нем знали такие-то и такие-то товарищи, они могли его внедрить, но не внедрили на столько-то заводов, в результате за полгода убытки государства составят такую-то сумму, а за год — вот какую...

Не пора ли, в самом деле, перейти на эту следующую ступень требовательности? К ней стране патристическое движение за досрочное выполнение плана пятой пятилетки.

ЯРОСЛАВЛЬ

Международные отклики

Маневры противников европейской безопасности

Ответы министра иностранных дел СССР товарища В. М. Молотова на вопросы корреспондента «Правды» встретили живой отклик у общественности всех стран мира и прежде всего в странах Европы. И это естественно: ведь советские предложения по вопросу о создании действенной системы коллективной безопасности в Европе касаются самой гущей, злободневной проблемы, которая волнует миллионы простых людей во всех частях европейского континента. Даже многие реакционные западные газеты и агентства не сочли возможным замолчать эти ответы и опубликовали их полный текст или подробное изложение.

Однако большинство этих газет стремится уклониться от ответа на прямые, четкие и ясные советские предложения. Не потому ли, что им нечего возразить по существу против предложенного Советским правительством союзы Общеввропейского союжения по вопросу о коллективной безопасности в Европе? Впрочем, необходимо высказать свою точку зрения, как видно, поставила в тупик не только «атлантический» печать, но и ее хозяева.

Парижская газета «Монд» сообщает о почти непрерывных заседаниях экспертов западных держав, которые заняты подготовкой ответа на ноты Советского правительства от 23 октября и 13 ноября. Но что можно ответить народам, которые не хотят возрождения германского милитаризма и все более решительно требуют от своих правительств отказа от политики перевооружения Западной Германии?

Имея никакие аргументы против советских предложений, реакционная печать старается запугать ясный вопрос. Обозреватель агентства Франс Пресс Форт заявляет, например, что «слова не имеют никакого смысла на Востоке и Западе». Но разве такие слова, как «германский милитаризм», не одинаково звучат на всех европейских языках? Разве все европейские государства, независимо от их политического и социального строя, не заинтересованы в равной мере в том, чтобы ликвидировали угрозу повторения германской агрессии? А ведь именно в этом и состоит смысл советских предложений о создании системы коллективной безопасности в Европе.

Стремясь ослабить глубокое впечатление, которое эти предложения, как и ответы В. М. Молотова корреспонденту «Правды», произвели на общественное мнение, реакционные круги не гнушаются прямым давлением и нажимаем на парламенты, политические партии и отдельных американских деятелей европейских стран. Так, американская реакционная газета «Стар» в разрывном тоне пишет о французской внешней политике, рстывая похвалы тем, кто добивается ратификации парижских соглашений.

Маневры западной дипломатии в эти дни направлены к тому, чтобы сорвать решение германского вопроса от которого зависит безопасность европейских народов. США торопятся как можно скорее добиться ратификации парижских военных соглашений, в результате чего Западные Германия окажется вовлеченной в военные группировки западных держав. Комментарий ответ В. М. Молотова, английское агентство Рейтер проговаривается: «Всё 14 стран Атлантического пакта намерены отклонить предложение о всяком новом совещании между Востоком и Западом» до тех пор, пока не будут ратифицированы, вероятно, в начале будущего года, парижские соглашения о вооружении Германии».

Вот в чем суть дела! Трудно найти более откровенное признание дисмерности заверен некоторых органов западной печати о готовности США, Англии и Франции к переговорам с Советским Союзом. Эти заверения предназначены лишь для отвода глаз, для обмана общественного мнения. На самом же деле западные державы стремятся поскорее дать оружие в руки германским милитаристам. Они идут по пагубному пути противоставления одних европейских стран другим европейским странам, по пути создания в Европе замкнутых военных группировок, то есть по пути, который, как видно из истории, ведет к разрыванию новой войны.

Откровенные речи боннских ревизионистов не оставляют ни малейшего сомнения в том, что они рассчитывают использовать парижские соглашения в своих агрессивных целях. Показательно, в частности, что правительство Аленуэра отдало приказ о проведении на этих днях больших маневров войск так называемой «федеральной пограничной охраны». В них примут участие 12 тысяч солдат, которые, по сообщению американского агентства Ассошиейд Пресс, должны быть включены в качестве кадровых войск в будущую западногерманскую армию.

Политика милитаризации Германии, которая несомненно с объединением страны на миролюбивых и демократических началах, встречает растущее сопротивление среди самого западногерманского населения. Против парижских соглашений протестуют многие видные деятели в Западной Германии. Так, выступая на митинге в Висбадене, председатель социалистической партии Олленхауэр заявил, что эти соглашения препятствуют воссоединению Германии. Он отметил, что прежде чем ратифицировать парижские соглашения, следует попытаться договориться с Советским Союзом. Это заявление вызвало в рядах западных представителей различных партий видят, что ратификация парижских соглашений может лишь серьезно осложнить положение в Европе и подорвать возможности разрешения насущных европейских проблем.

Литератор

Новые телевизионные центры

В настоящее время, как сообщили корреспонденту «Литературной газеты» в Министерстве связи СССР, строятся телевизионные центры в Баку, Ташкенте, Минске и Свердловске, а также проектируется строительство в Таллине, Вильнюсе, Горьком, Куйбышеве и других городах.

Оборудование для всех телевизионных центров страны проектируется и изготовляется на отечественных заводах.

На днях вступила в строй первая очередь телецентра в Риге, предостит пуск телецентра в Харькове. После того, как закончат монтаж дополнительного оборудования в Риге и Харькове будут начаты студийные передачи.

Готовится к пуску ретрансляционный телецентр в городе Калинин. Он будет получать по подземному кабелю телевизионную программу из Москвы и ретранслировать ее для жителей города и его окрестностей.

Ретрансляционный телецентр в Калинин — первый в нашей стране. Появление таких станций позволит значительно увеличить охват телевизионным вещанием многих районов нашей страны. В дальнейшем проектируется подача телевизионных программ с основных телецентров на ретрансляционные также и по радиорелейным линиям.

Такую линию намерено построить в ближайшие годы из Москвы в Сталингорск с установкой в г. Сталингорске ретрансляционного телецентра.

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров Союза ССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР с глубокой скорбью извещают, что 22 ноября 1954 года в Нью-Йорке скоропостижно скончался выдающийся государственный деятель — член Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, первый заместитель Министра иностранных дел СССР, депутат Верховного Совета СССР, академик товарищ **ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич**

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

От Министерства иностранных дел СССР

Коллегия и коллектив работников Министерства иностранных дел СССР глубоко скорбят по поводу кончины Первого Заместителя Министра иностранных дел СССР, постоянного представителя Советского Союза в Организации Объединенных Наций товарища **ВЫШИНСКОГО Андрея Януарьевича** и выражают свое соболезнование семье покойного.

В Совете Министров СССР и ЦК КПСС

Совет Министров СССР и ЦК КПСС постановили: 1. Образовать Правительственную комиссию по организации похорон А. Я. Вышинского в составе тт. Перухина М. Г. (председатель), Громыко А. А., Горшенина К. П., Горкина А. Ф. и Яснова М. А. 2. Гроб с телом А. Я. Вышинского перевезти в Москву.

ПИОНЕРЫ В ЖИЗНИ И В КНИГАХ

Анатолий АЛЕКОН

За последние годы мне довелось часто бывать в сельских и городских школах, загородных и южных пионерских лагерях, на станциях юных техников и юных натуралистов, участвовать в пионерских походах, сетах, вострах... И всякий раз я невольно сравнивал то, что видел в жизни, с тем, что написано о пионерах в наших рассказах, поэмах, повестях. На первых порах такое сравнение приносило радость: все наиболее характерные для пионерской организации, наиболее знаменательные, традиционные (в хорошем смысле слова!) ребята дела описаны нашими детскими писателями. Но, приглядываясь внимательнее, начинаешь замечать и другое, менее радостное: очень часто мы берем лишь форму, как бы одно лишь название того, что происходит на самом деле, но вкладываем в эту форму гораздо менее интересное, увлекательное и романтическое содержание, чем это делает сама жизнь.

Взять хотя бы такое большое государственное дело, как помощь наших школьников колхозам в борьбе за высокую урожай. Движение это приняло очень широкий, я бы сказал, не по-детски грандиозный размах.

Года полтора назад я был в Троицкой сельской школе Илецкой области. Опытный участок этой школы стал настоящей научной лабораторией колхоза. Два школьника поведали мне свою мечту:

— Хотим создать большой ботанический сад. И чтобы сложился в этот сад, под окнами нашей школы, зеленые гости со всех концов Союза — из Крыма, с Кавказа, с Алтая...

Осуществить такую мечту нелегко! На смену детской игре приходит настоящая, «заправданная» борьба, смелые, быть может, первые в жизни дерзания. В этой борьбе и в этих дерзаниях интересно и подчас неожиданно для воспитателей раскрываются ребята характеры.

А разве легко было ученикам Кирицкой сельской школы Рязанской области поднять густой фруктовый сад на земельном участке, который раньше считался совершенно непригодным для возделывания? И вот что интересно: в труде быстро перекладываются характеры многих ребят, которых раньше считали «трудными», почти неисправимыми. Оказалось, что характеры эти вовсе не «трудны». Напротив, они полны энергии, они жаждут настоящего, увлекательного дела. И как только такое дело нашлось, как только энергии подростка было дано верное направление, — быстро произошло «педагогическое чудо».

Пионерские дружины Кирицкой школы были присвоены имя И. В. Мичурина. Высокую эту честь ребята завоевали упорной, творческой и (не побоюсь сказать!) научной работой, работой по-настоящему романтической, ибо она является непрерывным преодолением трудностей.

К сожалению, вот этой романтики борьбы, преодоления преград и не хватает некоторым нашим рассказам, повестям и, в особенности, стихам и поэмам, в которых говорится об участии ребят в сельскохозяйственных работах. Здесь все происходит очень просто и куда примитивней, чем в жизни: ребята, как правило, либо собирают колоски, либо участвуют в воскреснике, посвященном посадке молодых деревьев. Причем воскресник этот носит характер весьма случайного и парадного мероприятия. Такое мероприятие, не требующее от ребят ни творческих поисков, ни особых усилий, ни борьбы, описано, в частности, в одной из глав моей повести «Отряд шагает в ногу». А в стихах и поэмах ребята, работающие на полях или сажающие деревья, как правило, даже не разговаривают между собой, ни о чем не задумываются, — они лишь убивают друг друга дробью пота звонкие песни. Где уж тут раскрыться ребячьим сердцам, где проявить себя характерам!

Пожалуй, лишь в повестях А. Мусатов, Л. Воронковой да в повести С. Антонова «Зеленый дождь» действительно романтично и увлекательно рассказано о сельскохозяйственном труде пионеров, художественно убедительно раскрыто его значение.

Сколько стихов, поэм, рассказов и повестей посвящено у нас описанию туристических походов, так любимых ребятами. В этих произведениях мы читаем о

походном шаге юных туристов (всегда «с рюкзаком» и «бодом»), о звуках пионерских горнов («конечно же, «веселых» или «зазорных»), о барабанной дроби (неприменно — «торопливой»). Силы природы, как правило, представлены ветером, который может быть либо «веселым», либо «непоседливым», но обязательно — «попутным». Да и вообще все в этих «книжных походах» бывает попутно, ничто не препятствует ребятам, ничто по-настоящему не испытывает их волю, их силу, находчивость и смекалку. И весь такой поход напоминает чаще всего развлекательную прогулочку под бдительным присмотром вожатых и учителей. Видимость романтики создается при помощи чисто внешним примет (барабаны, горны, ветерки). «Книжные дети» всегда очень довольны таким «книжными походами» и от радости распевают песни, которые уносят вдалеке все тот же непоседливый ветерок.

А на самом деле поход бывает интереснее ребятам только тогда, когда идет их подлинная, не утвержденная инструкциями и не предусмотренная советом дружины романтика преодоления трудностей.

Недавно я был на слете юных туристов Москвы. Пробывав (именно — пробывав!) в финишу слета — к Хвойному берегу, юные путешественники преодолели делянку преград: в походном снаряжении они форсировали реки; соорудив настилы, проходили через болота; ночевали в лесу, невзирая на проливной дождь, потушили лесной пожар... И опять же в преодолении неожиданных трудностей неожиданно проявлялись самоотверженные, такие не похожие друг на друга ребята характеры. Читая же рассказы и особенно стихи о походном шаге, о звуках горнов и барабанов, мы наблюдаем лишь движение ног, рук и губ, но не видим движения характеров. Да и как может двигаться то, что попросту отсутствует в произведении?

Почти во всех книгах, повестях и фильмах, посвященных школьно-пионерской теме, мы видим фигуры пионервожатых и учителей. Очень часто, можно сказать чаще всего, — это фигуры, «лица не имеющие». Великие воспитатели ребят, по воле авторов вообразившие в себя все возможные положительные качества, но не обладавшие почти ни одной живой человеческой чертой, встречаются и в интересной, романтической повести Н. Дубова «Огни на реке», и в моей повести «Отряд шагает в ногу», и в фильмах «Неразлучные друзья», «Команда с нашей улицы», и в песне «Чужесный мальчик», и во многих других произведениях для детей. Особенно не везет в детской литературе пионервожатый. Мы видим среди них людей веселых, постоянно бодрых, никогда не унывающих, все на свете умеющих, но почти не видим людей интересных. А ведь сколько таких людей в жизни!

Не так давно я познакомился с аспирантом Московского строительного института молодым коммунистом Борисом Крыловым. Каждый год в летние месяцы Борис навещает азы пионерский лагерь и отправляет старшим вожатым в пионерские лагеря. Разумеется, никто не принуждает его ежегодно отдавать свой отпуск пионерским делам. Нет, работа с детьми — это его горячее призвание.

И что самое важное — в лагере фабрики имени Калинина, где я познакомился с Борисом, ребята умело прививают любовь к производственным профессиям — к профессиям их отцов и матерей. Почти все, что нужно в повседневной лагерной жизни, изготавливается самими ребятами.

— Мы в магазине-то редко обращаемся, на самообслуживание перешли, — не без гордости говорят в лагере.

На пионерском сборе, посвященном теме «Кем быть?», я то и дело слышал: «Хочу быть сапожником!», «Хочу стать токарем!», «Хочу работать на текстильной фабрике».

И тогда я подумал: как мало еще мы создали книг, которые помогли бы этим ребятам укрепиться в их благородных стремлениях, раскрыли бы перед ними красоту производственного труда, величие

созидания. В наших рассказах, стихах и песнях, как правило, рассказывается о таких профессиях, красота и романтичность которых лежат на поверхности и видны, как говорится, невооруженным глазом.

Мы говорим храброе сердце и твердые руки пилота, поднимающего в небо самолет, но не рассказываем ребятам о том, что стальную пилону поднимать вывес и золотые руки рабочих — тружеников авиационных заводов. Это прекрасно, что у нас в стране молодые люди могут профессию, как говорил Маяковский, «выбирать на вкус». Но воспитывать этот вкус, наряду с родителями и педагогами, должны и мы, детские писатели.

«Беседуйте с детьми не только о светлом и радостном, смело показывайте им и темные стороны жизни, ставьте их со всем тем, с чем неизбежно столкнется их в будущем или столкнется уже сейчас сама жизнь!» Такие призывы содержатся во многих критических статьях, посвященных детской литературе. Верные призывы! Очень часто в своих произведениях мы показываем не счастливое, а беспечное детство. Но ведь это разные, — а точнее сказать, — противоположные понятия! Книжки, рассказывающие о беспечном детстве, воспитывают не борцов, а праздных любителей гостенья. Между тем наша святая обязанность растить молодое поколение не боящимся трудностей, готовым преодолевать любые жизненные препятствия. Детские книги, в которых круг жизненных интересов и впечатлений ребят обведен розовой чертой, попросту не соответствуют действительности. Разве нет у нас детей, которым в силу сложившихся бытовых и семейных условий приходится туговато? Разве нет у нас ребят, которые растут без отцов?

Но светлая особенность советского детства состоит в том, что ребята наши (все до одного!) твердо уверены в своем завтрашнем дне, в своем будущем. «Я не в Америке живу!» — говорит герой пьесы С. Михалкова «Красный галстук» Шура Бабайкин. Пионер Шура, оставшийся сиротой, твердо знает, что ему на помощь придут товарищи, родная страна.

Очень часто самые, на первый взгляд, горестные факты могут стать материалом для жизнеутверждающего, глубоко оптимистического произведения. Такова особенность не только нашей литературы, но прежде всего нашей советской жизни.

Давая своей статье весьма условное название «Пионеры в жизни и в книгах», я вовсе не хотел сказать, что большинство наших детских книг далеко от жизни. Нет, я отнюдь не разделяю пессимистического взгляда на детскую литературу последних лет. Я знаю, как помогает нашей детворе жить, работать и учиться жизнеутверждающее творчество С. Маршала, Л. Кассиля, С. Михалкова, А. Барто, Н. Носова, Ю. Сотника, Л. Лагина. Ведь я своим глазами видел, как в селах Кирицы и Троицково, о которых речь шла выше, юные помощники колхозников ставили друг другу в пример Саню Котшакова из «Стожар» и юных садоводов из «Алтайской повести». И не раз видел, как наши «расселенские» горько обижали «Звездочку» и «Мальшику» и старались походить на героев этих книг. Я знаю, как интересно зарабатывали пионерские отряды и звенья после того, как они по душам побеседовали и посоветовались с героями книг В. Осеевой, Н. Дубова, Я. Тайца, И. Дика. Я видел, как наши школьники-выпускники, выбирающие дорогу в жизнь, возмужавшие спорили о судьбе Володи Новикова и других героев романа «Над Волгой» М. Прилежаева. Я видел, как ребята из костнобуржского санатория учились выносливости и мужеству у Володи Дубинина, у Гули Горюловой, у Вани Солнцева. А как живо заинтересовались старшеклассники недавно изданными повестями «Тросточка» С. Георгиевской, «Дорога в жизнь» Ф. Вигдорова, «Мечта» Б. Емельянова, «Чистое золото» М. Постунальскаго. Наша детская литература — это верный друг и умный наставник советской детворы.

Но, к сожалению, нередко образы советских ребят, образы наших пионеров и их дела выглядят в книгах куда бледнее и примитивнее, чем в действительности. Вот об этом мне и хотелось сказать, подкрепив свою мысль примерами из жизни.

Нельзя сказать, чтоб в выдвинутых здесь положениях все было неверно. Соперничать бесспорно, что фольклорные источники представляют собой очень важный материал для характеристики общественно-политических воззрений народных масс. Столь же бесспорно, что эксплуататорские классы ни в какой степени не были заинтересованы в том, чтобы «правильно» представить мировоззрение трудящихся, и, напротив того, были активно заинтересованы в обратном. И все же в той прамитивности, с какой фольклор провозглашается здесь «чуждым ли не единственным достоверным источником» для характеристики нужд и чаяний народных масс, нельзя не видеть проявление старинного вульгарно-социологического упрощенчества.

Не воскресаясь здесь усиленно культпривыкшие вульгарными социологами представление о том, что в качестве идеолога того или иного класса может являться выступать только человек, по рождению принадлежащий к данному классу.

Историками древнерусской литературы с полной убедительностью показано, что уже в ту далекую пору «борьба шла не между письменным началом и устным... а между идеологиями двух основных классов эпохи феодализма. Письменное обслуживание обоа класса. Борьба шла между двумя культурами внутри одной русской культуры» (А. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, 1952, стр. 215).

Тем более ошибочна формула, приведенная в сборнике Института этнографии, применительно к позднейшим периодам русского историко-литературного процесса. Позвоительно спросить у авторов цитированной статьи: а что же, в разнице между «Путешествиями из Петербурга в Москву» с его пламенными призывами к народной революции не отразились стремления трудящейся и эксплуатируемой массы к освобождению от помещичьей кабалы?

Революционные демократы, теоретические наследие которых драгоценно для нашей историко-литературной науки, про-

являли в разработке этого вопроса неизмеримо большую диалектическую тонкость и гибкость. Герцен писал о Гоголе, — и очень верно писал — что, «не будучи по происхождению, подобно Кольцову, из народа, Гоголь принадлежал к народу по своим вкусам и по складу своего ума».

Если согласиться с положениями цитированной статьи, — как же быть с ленинскими указаниями о прямой зависимости идей, высказанных в письме Ленинского к Гоголю, от «настроения крепостных крестьян»? Как быть с ленинскими же словами о Толстом, о том, что «до этого графа подлинного мужика в литературе не было?»

Одним из бесспорных достижений нашего литературоведения является раскрытие теснейшей, органической связи русской классической литературы прошлого с освободительной борьбой русского народа против эксплуататоров. Если признать, что фольклор «обязывается» быть не единственным достоверным источником, раскрывающим подлинные воззрения эксплуатируемых масс, — как прикажете понимать и толковать эту связь?

Злейшим врагом подлинно научного, марксистско-ленинского историко-литературного исследования является схематизм — все всех его проявлениях и разновидностях. Любое самое глубокое, самое ценное положение может быть опущено и опущено, если оно превращается в мертвую, неподвижную, метафизическую схему.

Огромное значение для построения научной истории русской литературы XIX века имеет ленинская периодизация истории русского освободительного движения, ленинское положение о трех главных этапах, главных периодах этого движения: дворянском, разночинском или буржуазно-демократическом и пролетарском.

В основном по этим же трем главным этапам, главным периодам должна строиться и история русской литературы XIX века. Однако же мы сталкиваемся с серьезнейшими трудностями и явно впадаем в грех схематизма, если бы, принимая ленинскую периодизацию истории русского освободительного движения как основу периодизации русского историко-литературного

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА

Неизменный интерес общественности вызываю встречи с писателями, проходящие сейчас в столице и в Подмосковье.

Большой литературный вечер состоялся в минувшую субботу на заводе малолитражных автомобилей. В гости к автозаводчанам приехали В. Бельев, А. Гилян, Л. Кассиль, Б. Ласкин, В. Тушинова. Доклад о советской литературе сделал М. Добрынин. Читатели — диспетчер термического цеха В. Гавриченко, инженер-конструктор И. Басманов, шрифтовщица жила шасси А. Петелина, редактор многотиражной газеты С. Пуяев высказали свои пожелания предстоящему съезду писателей.

Встречи писателей с читателями состоялись также во Фрунзенском и Ленинском районах столицы. В Центральном Доме Советской Армии был устроен вечер писателей — участников Отечественной войны.

А. Каравеева рассказала сотрудникам Центрального музея В. И. Ленина о работе над новым романом. В ремесленном училище № 22 ребята встретились с автором трилогии «Старая крепость» В. Бельевым. У рабочих города Шапуры побывали на днях Г. Бровман, Б. Зубавин, Э. Казакевич, Ц. Солдатов, А. Фатьянов и А. Филатов.

50-летие Бориса Галлина

Исполнилось 50 лет со дня рождения писателя Бориса Галлина. Президиум Союза советских писателей СССР послал ему поздравление, в котором говорится: «Много из того, что написано Вами, полюбили наш читатель. Ваши очерки времен первых пятилеток, военные очерки, серия книг о Донбассе и его людях, о красоте и поэзии их труда прочно вошли в фонд советской литературы».

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«СПИСКИ И ЗАПИСКИ»

В статье под таким заголовком, опубликованной 7 сентября в «Литературной газете», были подвергнуты критике факты волокиты и нарушения порядка в распределении жилой площади, допущенные Курским горисполкомом.

Как сообщали редакция заместитель председателя Курского горисполкома тов. Павлов, исполком горсовета обсудил статью и признал ее правильной. При распределении жилой площади допускались нарушения очередности.

Исполком райсовета предложено строго соблюдать очередность в заселении жилищной. Горжуправлению поручено до 1 января 1955 года проверить списки очередников, принять меры к их упорядочению и впрямь ежеквартально проводить проверку правильности внесения в списки лиц, нуждающихся в жилье.

Тов. Барыбиной, в отношении которой была допущена возмутительная десятилетняя волокита, предоставлена комната в новом доме.

Новые книги

Борхис Э. Исторические повести. Перевод с эстонского. Таллин. Эстонское государственное издательство. 392 стр. Цена 6 руб. 85 коп.

Бояджиев Г. В. П. Марешка. Творческий путь актрисы. Издательство «Искусство». 240 стр. Цена 13 руб. 90 коп.

Гейм С. Канибаль и другие рассказы. Перевод с немецкого Т. Путиной. Издательство иностранной литературы. 111 стр. Цена 2 руб. 80 коп.

Зубавин Б. Самое главное. Повести и рассказы. «Советский писатель». 380 стр. Цена 6 руб. 75 коп.

История русской литературы. Т. 10. Литература 1890—1917 годов. Издательство Академии наук СССР. 804 стр. Цена 44 руб. Климченко Ю. Истинный курс. Ленинград. 232 стр. Цена 4 руб. 65 коп.

Лаусон Г. Шапка по кругу. Австралийские рассказы. Перевод с английского К. Крипового. Гослитиздат. 247 стр. Цена 5 руб. 40 коп.

Ланис В. Потерянная родина. Перевод с латышского В. Дорощено и Д. Дмитриева. Рига. Латвийское государственное издательство. 336 стр. Цена 6 руб. 40 коп.

Олдридж Д. Охотник. Перевод с английского И. Канкина. Гослитиздат. 70 стр. Цена 5 руб. 50 коп.

Ошанин И. Тебе, мой друг. Новые стихи и песни. «Молодая гвардия». 126 стр. Цена 9 руб. 95 коп.

ЧУВСТВО СЛОВА

Совершенствовать мастерство слова, освобождаясь от невариантной, штампованной речи, еще заставляющей страницы многих произведений, — одна из главных задач нашей литературы. И здесь большую помощь советским писателям может оказать изучение богатейшего художественного опыта классиков, великих мастеров образной речи.

Работ о языке мастеров у нас очень мало, хотя потребность в них большая. За последнее время появились ряд книг и статей такого рода. Однако некоторые из них зачастую не хватает того живого чувства слова, без которого яркая образность литературы под пером исследователя тускнеет и меркнет. Их авторы не исследуют образную природу слова, а рассматривают его только с узкограмматической точки зрения. В других случаях они ограничиваются холодным, поверхностным, ничем не дающим читателю описанным структурой поэтических образов. Все это снижает реальную пользу подобных трудов.

Иван Новиков написал книгу о Тургеневе — художнике слова. Он как бы прямо адресуется свой труд молодым писателям, напоминая о необходимости учиться у классиков мастерству. И думается, книга эта, несмотря на несовершенство отдельных ее страниц, интересна не только широкому читателю, но и писателям. В ней есть ощущение самого процесса рождения слова-образа из живой, трепетной жизни.

Работа И. Новикова — это небольшое исследование, по своему характеру напоминающее скорее заметки на полях любимой книги об особенностях ее стиля и художественных приемов. Не связывая себя жестким планом, автор пристально и углубленно читает текст. Писательская наблюдательность в соединении со свежестю непосредственного восприятия образов позволяет ему по-новому раскрыть многие страницы «Записок охотника».

В этом раннем шедевре Тургенев уже достигает той ступени художественного совершенства, когда в читательском восприятии мастерство писателя отступает на второй план перед радостью узнавать и почти осязаемо чувствовать живую жизнь, воспроизведенную в книге. Поэтому особенно ценно мнение И. Новикова за простотой и лаконизмом тургеневского стиля увидеть мастерски созданный художественный образ, вскрыть поэтический «подтекст» скрытых, но бесконечно объемных тургеневских характеристик.

И. Новиков учит внимательному отношению к языку писателя, показывает, как точно находит Тургенев единственно необходимое для обрисовки определенного образа слово. В «Безимном луге», пишет И. Новиков, «вечерняя звезда не «зажгнется», не «вспыхнет», не «заискрится», она, «тихо мигая», затеплится, — так это будет в полном соответствии со спокойным наступающим вечером, когда на всем лежит печать какой-то трогательной протости».

Здесь же И. Новиков показывает, как такое единственное и неповторимое слово рождает целый образ, пластичный и осязаемый. Это он очень тонко уловив в описании ковра в том же рассказе: «круглые красноватые отражения пламени «замира-ло, упирался в темноту», как если бы она была чем-то твердым». Найденная для изображения огня метафора, дает почувствовать не только жар ковра, но и громаду надвигавшегося со всех сторон мрака.

На целом ряде примеров автор отмечает главное в тургеневском лаконизме — ощущение общности, многозначности, жизненной наполненности слова в соединении с точностью его употребления.

Однако в своих наблюдениях исследователь достигает удач лишь там, где он не отступает от сформулированного им самим принципа: «... что мы здесь анализируем, надо уметь чувствовать и полностью воспринимать и без всякого анализа. Непосредственное чувство наслаждения художественным произведением и своеобразное также наслаждение от постижения того,

Иван Новиков. «Тургенев — художник слова». (О «Записках охотника»). «Советский писатель». Москва, 1954, 120 стр.

как это дано, — вещи разные, и одно не должно теснить другое». Но И. Новикова иногда оставляет его непосредственное ощущение живой жизни, стоящей за тургеневскими образами, и он углубляется в чисто формальный разбор того, «как это дано». Выказав, например, верное замечание о народной стихии в языке Касьяна с Красной Меши, он почему-то переходит к описанию «конструкции отдельных фраз» вне всякой связи с образом Касьяна.

Подобный отрыв мысли исследователя от художественной логики произведений нередко приводит к слишком субъективному, произвольному, а иногда и неверному толкованию.

Желаю углубить тургеневский текст, И. Новиков подчас сопровождается отдельными фразой обширным комментарием, возлага на нее непосильную смысловую нагрузку. Так, всего в одной фразе о помещике, соседе Полтуянцева: «Сосед Пичуков запахло у него земля и на заплаханной земле выскел его же бабу», — исследователю видит и стремление писателя лаконичностью сказанного обмануть цензуру и связь с традициями не только Гоголя, но и «Слова о полку Игореве». В подобных случаях не спасает и оговорка автора, что «ни сам Тургенев, ни его читатели, вернее всего, не вкладывали в эту фразу всего того, о чем мы только что говорим».

Некоторые выводы И. Новикова выглядят весьма упрощенными и вызывают чувство удивления. Он, например, усматривает связь Касьяна «с землей» в том, что рассказчик увидел его впервые лежащим на земле.

Заметно и стремление автора «улучшить» Тургенева, сделать его более прогрессивным по мировоззрению. Так, он находит у Бирюка признание «новой пружающейся к сопротивлению силы» в лице того мужика, которого Бирюк поймал за рубкой леса и отпустил, просто по человечески пожалев. И еще с меньшим основанием И. Новиков утверждает, что в прологе у Дикого Варина была не «узко-личная» драма, а трагедия социальная, вернее всего, участие в революционном движении.

Гораздо больших успехов в анализе тургеневского текста исследователь достигает там, где следует за логикой художественного мышления писателя и не увлекается слабо мотивированными рассуждениями по поводу «Записок охотника».

Сделать ряд наблюдений над своеобразием мастерства Тургенева — такую задачу поставил перед собой автор. Нельзя оспаривать ее правомерность. Но на этом основании неправильно отказываться от необходимых обобщений. Однако И. Новиков не делает таких выводов даже там, где они сами собой вытекают из его анализа. Он, например, совершенно верно в ряде случаев улавливает авторскую реакцию на происходящие события в «нейтральном», на первый взгляд, тургеневском тексте. Отсюда — один шаг до интересного вывода: Тургенев выражает свой взгляд на события и героев «Записок охотника» не в форме публицистических отступлений, а через передачу своего эмоционального отношения к ним. Так, он любезно кротким лицом Калитича, испытывает чувство безгневности при общении с помещиком Стегуновым, и эти душевные движения рассказчика порой говорят больше, чем прямая оценка. Но в книге нет этого вывода, закономерно обобщающего наблюдения автора. Вот таких завершающих штрихов не хватает и в ряде других случаев.

Внимательное отношение к тексту, сопоставление наблюдений над ним с собственными жизненными впечатлениями избавляет исследователя от социологических и формалистических абстракций, позволяя почувствовать и донести до читателя живую прелесть произведений великого писателя. В книге особенно ценно именно это ощущение красок и звуков природы в литературном пейзаже, понимание душевных переживаний литературных героев. Несмотря на ряд недостатков книги, И. Новиков удалось раскрыть в ней художественное совершенство тургеневского стиля в «Записках охотника».

И. СЕРГИЕВСКИЙ До конца преодолеть схематизм и вульгаризаторство

Давно миновало то время, когда на ивие отечественной филологии подвизался педалью копирта исследователей, которые, изучая творчество того или иного писателя прошлого, видели в нем прежде всего светлое подлественное и больше всего были озабочены тем, чтобы изобличить в нем представителя определенного эксплуататорского класса, произведение которого только потому и заслуживают внимания, что в них отражены различные стороны корыстно-эгоистической «психологии» этого класса. Историко-литературный анализ в практике этих исследователей свивался на допрос с пристрастием, который считался тем более искусным и тонким, чем точнее в результате его устанавливалось: интересе какого именно эксплуататорского слоя или прослойки отстаивал данный писатель. В солидном справочном издании, призванном к тому, чтобы обобщить и закрепить достижения советской историко-литературной науки, черным по белому было записано: «Объяснение творчества Пушкина развитием дворянства, идущего по линии буржуазного переживания, в настоящее время можно считать общепризнанным...»

Разногласия между Тургеневым и Фетом вполне серьезно выволакивали из того, что «последний был ярким защитником прусского типа развития буржуазных отношений, а первый, не порывая связей с помещичьим бытом, понимал неизбежность пути капиталистического фермерства...»

Сейчас все эти формулы звучат совершенно анекдотически. Трудно даже поверить, что когда-то они имели самое широкое хождение в нашем литературоведческом обиходе и выдавались за самую что ни на есть доподлинную науку, — столь очевидна их нелепость. Тот факт, что ныне они не только получили осуждение, но и

уже звучат анекдотически, неоспоримо свидетельствует о теоретическом росте нашего литературоведения, о том, что его путь был путем не только ошибок и заблуждений, но и путем научного прогресса.

Однако, если вульгарный социологизм как система воззрений похорошен окончательно и бесповоротно, если вряд ли кому-нибудь придет сейчас в голову реставрировать подобные схемы в их действительно чистом виде, то отдельные рецидивы вульгарно-социологического мышления приходится наблюдать и по сей день.

В 1953 году вышел в свет сборник Института этнографии Академии наук СССР под названием «Русское народно-поэтическое творчество». Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. В вводной редакционной статье к этому сборнику, в котором собрано немало свежего и интересного материала, читаем: «Значение народного поэтического творчества для изучения мировоззрения народа увеличивается в связи с тем, что в условиях классового общества оно иногда оказывается чуть ли не единственным достоверным источником (подчеркнуто нами...»

И. С.), раскрывающим подлинные воззрения эксплуататорских масс. Господствующий класс никогда не был заинтересован в том, чтобы правильно представить мировоззрение трудящихся, особенно их общественно-политические взгляды и стремления; эксплуататоры намеренно замалчивали или искажали их. Само же трудящиеся зачастую не могли использовать для выражения своей идеологии какие-либо другие формы, кроме различных видов устного поэтического творчества, ибо все средства не только экономического и политического, но и идеологического воздействия находились в руках имущих классов и использовались ими для подчинения себе народных масс и орудимания их сознания».

Собой очень важный материал для характеристики общественно-политических воззрений народных масс. Столь же бесспорно, что эксплуататорские классы ни в какой степени не были заинтересованы в том, чтобы «правильно» представить мировоззрение трудящихся, и, напротив того, были активно заинтересованы в обратном. И все же в той прамитивности, с какой фольклор провозглашается здесь «чуждым ли не единственным достоверным источником» для характеристики нужд и чаяний народных масс, нельзя не видеть проявление старинного вульгарно-социологического упрощенчества.

Не воскресаясь здесь усиленно культпривыкшие вульгарными социологами представление о том, что в качестве идеолога того или иного класса может являться выступать только человек, по рождению принадлежащий к данному классу.

Историками древнерусской литературы с полной убедительностью показано, что уже в ту далекую пору «борьба шла не между письменным началом и устным... а между идеологиями двух основных классов эпохи феодализма. Письменное обслуживание обоа класса. Борьба шла между двумя культурами внутри одной русской культуры» (А. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, 1952, стр. 215).

Тем более ошибочна формула, приведенная в сборнике Института этнографии, применительно к позднейшим периодам русского историко-литературного процесса. Позвоительно спросить у авторов цитированной статьи: а что же, в разнице между «Путешествиями из Петербурга в Москву» с его пламенными призывами к народной революции не отразились стремления трудящейся и эксплуатируемой массы к освобождению от помещичьей кабалы?

Революционные демократы, теоретические наследие которых драгоценно для нашей историко-литературной науки, про-

являли в разработке этого вопроса неизмеримо большую диалектическую тонкость и гибкость. Герцен писал о Гоголе, — и очень верно писал — что, «не будучи по происхождению, подобно Кольцову, из народа, Гоголь принадлежал к народу по своим вкусам и по складу своего ума».

Если согласиться с положениями цитированной статьи, — как же быть с ленинскими указаниями о прямой зависимости идей, высказанных в письме Ленинского к Гоголю, от «настроения крепостных крестьян»? Как быть с ленинскими же словами о Толстом, о том, что «до этого графа подлинного мужика в литературе не было?»

Одним из бесспорных достижений нашего литературоведения является раскрытие теснейшей, органической связи русской классической литературы прошлого с освободительной борьбой русского народа против эксплуататоров. Если признать, что фольклор «обязывается» быть не единственным достоверным источником, раскрывающим подлинные воззрения эксплуатируемых масс, — как прикажете понимать и толковать эту связь?

Злейшим врагом подлинно научного, марксистско-ленинского историко-литературного исследования является схематизм — все всех его проявлениях и разновидностях. Любое самое глубокое, самое ценное положение может быть опущено и опущено, если оно превращается в мертвую, неподвижную, метафизическую схему.

Огромное значение для построения научной истории русской литературы XIX века имеет ленинская периодизация истории русского освободительного движения, ленинское положение о трех главных этапах, главных периодах этого движения: дворянском, разночинском или буржуазно-демократическом и пролетарском

Взыскательность и доброжелательность

Поклонный М. М. Пришвин однажды сказал, что Алексей Максимович обладает «замечательным чувством соразмерности».

Даже в нашем писательском органе — «Литературной газете» — мы то и дело встречаем статьи, в которых авторы не считают нужным указать имена русских поэтов, чьему перу принадлежат цитируемые переводы.

Вершиной пренебрежения к переводческому труду может служить статья А. Григоряна «Подлинник и перевод» («Литературная газета»), которую правильнее было бы назвать «На деревню дедушке!»

Неудивительно после этого, что «Комсомольская правда» недавно опубликовала большую подборку стихов японских поэтов, не указав имени переводчика.

Завлечь с трибуны, что переводческий труд — важный и благородный, дело немудреное! А ведь для того, чтобы подсчитать, сколько раз за двадцать междуведовских лет вопрос о творчестве писателей, работающих в области перевода, стоял на заседаниях секретариата ЦСН...

Преобладание в переводческом труду обусловлено и тем, что в ЦСН еще много внешней парадности, заседательской суетни, подменяющей подлинно любовное изучение богатств братских литератур.

В Комиссии по литературам народов СССР назначается дихоронное подписание переводчиков (не всегда имеющих касательство к данной литературе) для командирования их в ту или иную республику, дабы поспеть к лекции с переводом хотя бы нескольких «основных» книг.

Творческая жизнь поэта-переводчика начинается вовсе не тогда, когда его приглашают в издательство для беседы о переводе какого-либо произведения. У каждого из нас есть свои давние и недавние привязанности, ровно близкие литературы, свои любимые писатели.

Все эти вопросы настоятельно требуют систематической и углубленной разработки. Надо пробовать, что сколько-нибудь удовлетворительно они не могут быть разрешены в рамках какой-либо одной общественной формации, ни в рамках какой-либо одной национальной культуры.

Задача эта тем более актуальна, что некоторые тенденции к вульгаризации и схематизму намечаются и в области разработки данной проблемы.

Мы знаем, что одну великорусскую культуру В. И. Ленин характеризовал именами Пушкинцевичей, Гучковичей и Струве, другую — именами Пеханова и Чернышевского. Несомненно, что было большое количество исторических деятелей, безраздельно принадлежавших какой-либо одной из противоборствующих, антагонистических культур.

Марк ШЕХТЕР

ты новой жизни». «Отрывы» полого поэта, переводчик только расширял круг своих привязанностей, но отнюдь не «изменил» Тургенев-заде. Открывать новое — это ведь и значит творить!

Мы уважаем Н. Заболотного за его мастерские переводы из грузинской поэзии, но несколько не удивляемся, читая его же переводы стихов башкирских или украинских поэтов.

Вопрос об активном содружестве поэта-переводчика и автора — сугубо творческий. Следовательно, термин «всезядность», которым с некоторой пор стали охотно оперировать иные наши критики, надо употребить с осознанностью, вдумчиво, не превращая его в некий жупел; иначе большинство литераторов, прилагаящих свои силы к работе в области художественного перевода, кроме разве двух-трех, уже при жизни «присоединятся к лику святых», попадут в разряд «всезядных» и станут предметом... зоологии.

Вопрос об авторизации перевода — вопрос отнюдь не второстепенный!

С некоторых пор издательства ввели в практику так называемую авторизацию перевода, что находит свое отражение даже на титульном листе книг. Спорно нет, визирование автором перевода его произведений — дело полезное! Но зачастую это протекстует лишь из стремления издательства застраховаться от возможных «тревожений»: мол, если что и приключится, если перевод будет искажать мысли автора или неверно передавать суть произведения, то будь добр, товарищ автор, неси часть вины и ты! Мы же здесь ни при чем!..

И если один момент в практике авторизации хотелось бы подчеркнуть. Можно прямо сказать, что не всегда автор одобряет достойные переводы, и наоборот — не всегда отклоняет недостойные.

Этот вопрос какой-то стороной перекликается с темой статьи поэта Ал. Гатова «Песочерненные переводы одного стихотворения», опубликованной в свое время «Литературной газетой»; нет сомнения, что, по крайней мере, два из трех имеющихся у нас переводов известного стихотворения П. Тычины «Чувство семи единой» были знакомы автору до их опубликования и, повинуясь, не вызвали его возражений.

Есть у украинского поэта Андрея Малышко проникновенная поэма «Прометей». Первоначально читатель познакомился с ней по вдохновенному (я не боюсь употребить это слово!) переводу В. Пришвина, помещенному в журнале «Огонек».

Но вот Ленинградское отделение Гослитиздата затеяло выпустить новое издание избранных произведений А. Малышко «Стихи и поэмы»; ленинградцы поработали недолго, в частности редакторы книги — поэты В. Рождественский и Е. Ружун. Естественно, что и в это издание была включена поэма «Прометей».

Достоевского к культуре эксплуататорских верхов и на этом основании держаться подалше от них. Но не будет ли это поворотом старой вульгарно-социологической погудки на новый лад?

Расказывая о том, как Клим Иванович Самгин обзавел берлинские музеи, Горький отметил, что «картины он обычно читал, как книги, и сам видел, что это обесценивает их». Если бы Самгин был литературоведом и занялся бы анализом «Отцов и детей» или «Преступления и наказания», он, наверное, не задумывался, приравляя бы эти романы к «Мареву» Ключниковой или «Панургову стаду» Крестовского.

Можно ли сказать, что мы полностью уже освободились от груза вульгарно-социологических пережитков в нашей литературоведческой практике?

Учебник А. Дементьева, Е. Наумова и Л. Плоткина «Русская советская литература» отнюдь не принадлежит к числу худших работ подобного рода. Но каким же бледным, немощным, невыразительным становится авторское изложение, когда от раскрытия идейного строя исследуемых произведений авторы переходят к разложению их художественного своеобразия. Язык поэмы «Владимир Ильич Ленин» «находится в соответствии с ее идейным содержанием. Говора о капитализме, Марковский вводит в поэму такие слова, как: прибавочная стоимость, безработица, кризис, колонии, интервенция, капитал, империализм, парламент и т. п.

И вся книга, был авторизован. И вот, как это ни странно для человека, издавая любящего своеобразие поэзии Малышко, автор на этот раз предпочел завести отнюдь не переводом выданный, несущий на себе печать торопливости. Должен оговориться: это замечание ни в коей мере не имеет целью унизить многолетнюю деятельность поэта В. Рождественского, немало потрудившегося в области перевода украинской поэзии.

Что же произошло, однако, в данном случае? Быть может, автор поэмы лего было иметь два перевода своей вещи? Или он попросту не захотел «обидеть» редактора своего одноклассника и поступился в угоду ему поэтическим вкусом? Во всяком случае, принципиальности в поведении автора поэмы по отношению к поэту, который, повинуясь ведению сердца, перевел его произведение, отдав этой работе часть души и таланта, тут усмотреть нельзя!

Следовательно, на практике авторизация издательства — момент достаточно условный. В ряде случаев она лишь открывает для издательства отдушину самоустранения, в некоторых — дезориентирует его в отношении качества перевода. Авторизация может явиться стимулирующим началом лишь при условии активного взаимодействия всего содружества: автор — переводчик — редактор. Стоит только «покопаться» одному из них, как это неминуемо отразится на результате его деятельности, то есть на качестве перевода.

Общезвестно, что до настоящего времени наша печать уделяла лишь крохи внимания теоретическим вопросам, выдвигаемым практикой советского художественного перевода. Оправданному этому «заговору молчания» обычно служат ссылка на якобы малочисленность критических кадров, на загруженность неотложными проблемами и т. д.

В чем еще помеха? Кроме отсутствия нашей инициативы, мешает этому и келейная постановка работы Союза писателей в целом. Ведь ни для кого не является секретом, что почти все общественные поручения, доклады, командировки и пр. выполняются лишь весьма ограниченным числом писателей. Эти товарищи закладывают от поручений, суетят, что им буквально некогда заняться творческой работой, но... упорно не отказываются от «вспомогательных тягот» и продолжают читать вслух — и в рекколлегиях, и в Совете Литфонда, и в Совете Дома литераторов.

А между тем не представляет труда назвать немалое число литераторов, состоящих по 20 лет в ЦСН, которым ни разу ничего не вменялось в обязанность. Целеобразно ли предавать забвению этих товарищей, не проверив их сил, не ознакомившись с их склонностями и возможностями? Смелой привлекать к работе литераторов, активизируя весь отряд писателей, — вот о чем намек секретариату следует подумать безотлагательно!

При этих условиях и спрашивать с нас много будет куда больше, да и сами мы сможем заниматься любимым делом в полную силу. И если мы уйдем со сцены с сознанием возросшей ответственности за свою, не всегда удачную, работу, за творческую судьбу каждого из нас, а руководители ЦСН проникнутся убеждением, что мы литераторы, в меру способностей и разума, вернем одно великое общее дело, — тогда можно будет сказать, что «замечательное чувство соразмерности» стало типическим для всей большой и дружной семьи литераторов, что второй съезд оправдал их чаяния!

Реплика тов. Ажаеву

Недавно мы напечатали в «Литературной газете» открытое письмо товарищам по работе. Это письмо содержало ряд предложений по организационно-творческому вопросу, — разумеется, в порядке обсуждения, без навязывания кому-либо своих мнений и с просьбой к литераторам высказаться. Письмо это вызвало немало толков и откликов в среде советских литераторов, деловые споры людей несогласных, наполовину согласных и целиком согласных с высказанной точкой зрения.

В «Предсъездовской трибуне» «Литературной газеты» 11 ноября с. г. напечатана статья тов. Ажаева, оспаривающая соображения, высказанные нами в открытом письме, что вполне закономерно. Однако статья эта написана в таком раздраженном недискуссионном тоне, что поневоле приходится выступить с репликой.

Вместо того, чтобы деловито и спокойно опровергать положения открытого письма, тов. Ажаев прибегает к давно известному, но мало убедительному методу сомнительных параллелей и не вполне понятных намеков. Авторы письма он подозревает в литературном нигилизме, называет «ликвидаторами» Союза писателей и даже предвещает им — права, обвиняя в абсурдном отношении к своим предложениям, — неуважительное отношение обывателей к труду советских литераторов.

При этом несколько забавным кажется то обстоятельство, что тов. Ажаев становится в величественную позу защитника «горьковского Союза писателей» от посягательства авторов открытого письма. Он пишет, что они «забыли горьковский замысел в создании союза, пренебрегли им».

Это вызывает недоумение потому, что ведь речь в письме шла об организационной структуре ЦСН, а нынешняя организационная структура союза отнюдь не горьковская, она возникла через много лет после смерти Алексея Максимовича; при Горьком структура была вовсе не бюрократической, а очень и очень простой. Были президиум, правление и секретариат, которые, кстати говоря, неплохо справлялись с делом, причем труд их был по-настоящему общественно-полезной работой, а не исполнением служебных обязанностей, оплачиваемых большими окладами.

Что касается творческой работы, то она сосредоточивалась именно в издательствах и в журналах «Октябрь», «Красная Новь», «Знамя», «Молодая гвардия», «Новый мир», «30 дней», «Наши достижения», «Театр и драматургия», в альманахе «Гол.» и т. д. и т. п., а также в клубе писателей (что вовсе не приводило к разделению литературы на группы и группы!). Неужели это не известно тов. Ажаеву? И неужели он позабыл, что именно Горький, на которого он ссылается, был значительным многочисленным изданий, журналов, альманахов и их первым редактором?

Неужели не знает тов. Ажаев, что именно Союз писателей, мы любим и уважаем свой союз не менее тов. Ажаева. Мы знаем, что без союза, без писательской организации невозможно полноценная литературная жизнь. Именно любовью и уважением к союзу заставили нас задуматься над методами его работы, заняться поисками лучших организационных форм. Не ликвидировать союз предлагаем мы, а перенести центр тяжести его работы на насущные дела, на литературное производство. Мы считаем необходимым укрепить союз, теснее связать его с издательствами и журналами путем усиления редакций лучшими писательскими кадрами.

Президиум ЦСН, выделяющий из своей среды руководителей литературного производства, т. е. издательств и журналов, должен и может являться действительным руководителем советской литературы, в том числе и печатных изданий ЦСН, направляя их и контролируя. Огромную помощь ему в этой работе окажет парторганизация Союза писателей, призванная повышать идейный уровень литераторов.

Кстати, напрасно тов. Ажаев так пренебрежительно относится к деятельности Литфонда, имеющего немалое значение в общем литературном хозяйстве. Напомним, что в старину делами Литфонда активно занимались М. Салтыков-Щедрин, Н. Некрасов, А. Островский, а в наше время — К. Федин, и не считая этого зазорным. Но что Л. Леонов вклад в этот необходимый, хотя и не благодарный труд, только делает ему честь.

Вместо того, чтобы спорить с авторами письма по существу, тов. Ажаев в своей статье пытается поставить над равенства между комиссиями ЦСН и... советской литературой и обвиняет людей, отрицающих достаточную эффективность работы комиссий ЦСН, в том, что они отрицают достижения советской литературы. Странный метод полемики, не говоря уже о том, что это точка зрения не литератора, а столончалыника, обуреваемого административным восторгом.

Нарядом с тов. Ажаев, чья статья написана не очень жюмоно, столь предельно экономично в открытом письме, бросив тень на некоторых авторов этих предложений. Допустимо, что Казакевич и Луконин действительно не проявляют достаточной активности в союзе, хотя они этого не считают и готовы доказать обратное. Ну, а другие авторы письма? Паустовский — председатель секции прозы; Каверин — его заместитель; Шипачев — председатель секции поэзии; Погодин — главный редактор журнала «Театр»; Маршак выполнял и выполняет целый ряд общественных обязанностей. Как быть с ними, тов. Ажаев? Некоторое участие по борьбе с вульгаризмом, если дело приостановлено, — уредить управление по приостановке приостановления.

Таковы методы полемики и таковы предложения тов. Ажаева.

Эм. КАЗАКЕВИЧ, Н. ПОГОДИН, С. ШИПАЧЕВ, С. МАРШАК, В. КАВЕРИН, К. ПАУСТОВСКИЙ, М. ЛУКОНИН

Назревшие вопросы

Советская литература богата и разнообразна. Успехи ее очевидны. В последний период советские писатели старшего поколения, которым гордится вся наша страна, создали ряд замечательных произведений. Выдвинулась талантливая творческая молодежь.

Но в нашей литературе есть и серьезные недостатки, которые мы не всегда отчетливо видим. А жизнь в стране становится все богаче и многообразней, растут материальные силы общества, советские люди развиваются духовно. На этом фоне отставания и недостатки литературы становятся все очевидней.

Один из них, на мой взгляд, в том, что современная наша литература далеко не использует всех богатств русского языка, многие наши книги не обогащают языка общества.

Причина этого, быть может, кроется в том, что в пору формализма писатели зачастую увлеклись жаргонными словечками и выдумыванием слов, а богатым и великим народным языком пренебрегли.

Русский разговорный язык прежде всего — язык образный. Образный язык — богатство народа, признак его духовной развитости, своеобразия и вкуса. Он не в заученных поговорках, а в умении гибко применять обширный запас слов, выражений и наблюдений за жизнью людей и природы.

В наших произведениях образный язык — редкость. Речь действующих лиц беднее, чем речь живых, реальных людей. Это не значит, что у нас нет блестящих успехов. Есть, конечно. Достаточно вспомнить Шолохова, своеобразный, яркий и богатый, хотя и трудный язык Леонова. Но большинство книг современной русской литературы пишется тем языком, на котором говорит наша литературная интеллигенция. Мы укажем этот язык и не замечаем, что в литературе он не богатее.

Мне не раз, когда я такую мысль высказывал, приходилось слышать от писателей суждения, что процесс нивелирования русского языка неизбежен, что язык становится проще, единообразнее, что колхозники теперь говорят так же, как городские жители, и что наш русский язык неизбежно утратит свой аромат, когда возвратится в котле городской жизни. То есть, иначе говоря, язык беднеет, а нам, мол, нечего беспокоиться.

Действительно, канцеляризм въедается у нас в народный язык и местами сунит его. Но раз приходилось мне слышать, что молодежь в деревнях и на заводах, да и в высших учебных заведениях подражает в разговоре выражениям деловых бумаг. Часто канцелярские обороты речи считаются чем-то вроде признаков хорошего тона.

Однако я глубоко убежден, что язык наш далеко от того, чтобы обеднеть, в массах он очень ярок, образен, сочен, звучен. В народной речи, как в зеркале, отражается вся жизнь страны.

Вот тут-то и могут писатели оказать огромную помощь народу, обогащая его язык, привнося в литературу, а значит, и в культуру народа, неиссякаемые речевые богатства, как это делали классики. Пушкин в свое время гением своим поднял литературный язык на огромную высоту, сделал достойным язык народную, живую речь.

Писатели, учась у народа, могут учить народ языку. Яркий язык книги всегда будет замечен читателями и вызовет желание овладеть им, а у молодежи — желание подражать.

В эпоху колоссального роста народного богатства должны расти и духовные ценности во всех областях жизни.

И напротив, писатели могут, и так часто бывает у нас, причудить читателей к языку хотя и грамотному, но книжно-глазному, сухому, как бы осторожному, то есть как бы обходящему некоторый набор слов. Тут еще следует сказать об учебниках, по которым преподается русский язык в школе. Даже хорошие пособия не свободны от налета ложной учености. В 1953 году под редакцией академика Л. Щербы выпущен учебник по грамматике русского языка для 5-х и 6-х классов, перегруженный массой правил, которые трудно запомнить, а следовательно, и применить.

В морфологии усложнен отряд чередования звуков. Вместо того, чтобы сказать, что звук при соответствующем изменении слова исчезает, составители пишут, что он превращается в «нуль звука». Может быть, это признано, так называемая научная терминология, но в учебнике для учеников 5-х и 6-х классов надо говорить проще и ясней.

Наша учащаяся молодежь недостаточно хорошо владеет речью, а грамотно пишет, лишь пользуясь ограниченным количеством слов и выражений. Мне много лет приходилось читать рукописи молодых авторов,

и я убедился, что большинство из них написало бедным языком. Это должно беспокоить писателей, долг нам — заботиться об учебниках русского языка, как о своем кровном деле, исправлять их, помочь воспитывать молодежь, удалять все эти «нуль звука».

Много говоря о положительном герое, наши литераторы нередко пытаются составить положительного героя подобно тому, как хотели сварить золото алхимики, то есть найти какой-то рецепт, в то время как жизнь дает разнообразие живых положительных героев. Учимся не у жизни, как следовало бы художникам-марксистам. Вот и получается, действительно, что Толстой и Тургенев знали народ своего времени лучше, чем многие современные писатели.

Мне кажется, что писатели, живущие в краях и областях, чаще лучше знают жизнь страны и народа, чем писатели столичные. Но в краях и областях нет той живой литературной жизни, что в столице.

Тут возникает, на мой взгляд, еще один важный вопрос. Надо создать сильные писательские организации в краях и областях, например в Сибири, на Дальнем Востоке, на Волге, на юге и севере РСФСР. Надо помочь укрепиться тому литературному делу, которое там развивается.

Журналы «Сибирские огни» и «Дальний Восток», по-моему, могут стать еженедельными изданиями, органами ЦСН СССР, а не только краевых и областных организаций. И ответственность за их работу должен нести секретариат Союза писателей. Отговорки, что эти журналы далеко от Москвы, не могут быть приняты в расчет. Вспомним, что именно из краев и областей вышли за последние годы многие способные писатели.

В Хабаровске, например, после войны написан ряд значительных книг. Правда, после этого многие авторы уехали из края в Москву, а другие собираются уехать.

А ведь на Дальнем Востоке мог бы быть значительный центр советской литературы. Этот край всегда давал советским писателям темы для интересных книг.

Правы Георгий Марков и Казимир Ливсовский, которые в своих статьях, помещенных в «Правду» и «Известия», утверждают, что со стороны секретариата Союза писателей нет должного руководства областными и крайними писательскими организациями. Правда, ведь еще не приходилось читать сообщения, что, например, в Иркутске или Хабаровске состоялось собрание писателей, обсуждался такой-то вопрос, съездились писатели такой-то области, а с докладом выступил Сурков или Симонен, или Грибачев, возглавляющий областную комиссию.

Не умаляя руководящей роли органов ЦСН, а также областной комиссии ЦСН, которая открыла широкую дорогу многим молодым в литературу, я все же считаю, что литературная жизнь в стране гораздо значительней и многообразней тех вопросов, которые обычно решает секретариат ЦСН. А круг способных людей, которые могут быть полезны во всех областях литературной и общественной жизни, гораздо шире, чем это принято думать.

Часто книги романистов у нас разбирают, как социологические трактаты, а не как художественные произведения. И этим мы тоже обедняем нашу литературу и прущаем себя судить о ней односторонне.

Мне хотелось бы, чтобы доклады на предстоящем съезде говорили об идеях, выраженных художественными средствами, и о развитии этих средств за двадцать лет. Пора говорить о талантах в большей степени, чем мы это делали до сих пор. Ведь десятки и десятки книг написаны о войне, а читатели по-настоящему увлекаются лишь несколькими. Сила литературы складывается из силы заложенных в ней идей, выраженных художественными средствами, складывается из богатства языка, разнообразия образов.

И еще одно самое, быть может, важное пожелание. Литература есть отражение жизни. Поэтому нельзя говорить о литературе, замыкаясь в рамках литературных вопросов, упоминая о жизни лишь в начале доклада в виде деклараций об успехах строительства и т. д. Говоря о литературе, надо бы судить и о тех явлениях жизни, которые литература отражает, о которых думают писатели, о том, против чего литература борется и что она отстаивает и утверждает.

У нас есть все возможности общим, дружным трудом преодолеть недостатки и еще выше поднять значение советской художественной литературы. Съезд должен выработать деловую программу подъема нашей литературы.

Юрий КРУГЛЯК Басня о том, как Ерш взялся писать эпиграммы и что из этого вышло

Ерш бесстрашно разгромил Эпиграмму гниль и старь

И в редакцию попыл.

Где редактором Пескарь.

Тот солидно, не шпеша, стал учить уму Ерша:

— У тебя заряд хорош, да мышь совсем не та.

Что ж ты храбро Тюлька бьешь — это, право, мелкота.

Посмелее, Ерш, пиши, Покрупнее рыб ерши.

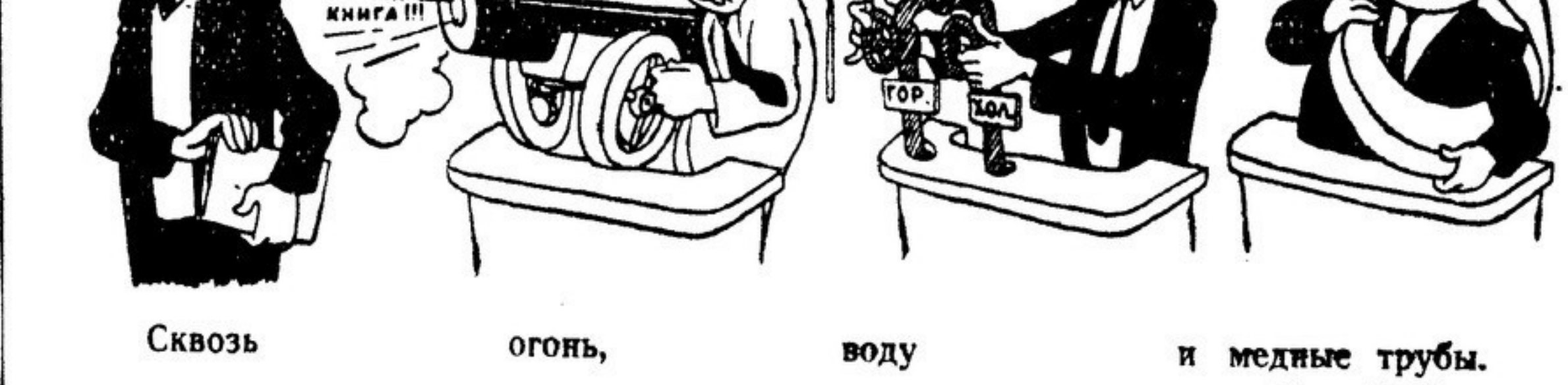
Поклонья Пескаря Подхвативши на лету, Ерш удрил — и не зря! — По маститому Киту.

Вновь дает свой колкий труд Он редактору на суд.

— Что? — Пескарь весь обомлел, — Ты опять принес не то: Кто тебе писать велел Про заслуженных Китов?

Ты не трогай этих глыб — А бери помельче рыб.

Перевел с украинского А. КОСТОВЕЦКИЙ

Сквозь огонь, воду и медные трубы. Рис. Е. Дубоса

Стокгольм, 22 ноября

Запретить оружие массового уничтожения!

Александр КОРНЕЙЧУК

Работа сессии Всемирного Совета Мира с самого начала приняла очень деловой, уютный характер. Заседания начинаются в девять часов утра, а по своим делам делегаты нередко расходятся лишь поздно вечером, когда Стокгольм уже спит. Бремя долгого, в эти напряженные для народов мира дни многих участников сессии жгут дома, на родине, важные и неотложные дела.

В беседах, которые возникают повсюду, где встречаются делегаты, остро ощущается чувство международной солидарности и коллективной ответственности, объединяющее посланцев мира всех стран. Делегаты Азии проявляют глубокую заинтересованность в разрешении проблемы коллективной безопасности в Европе, а представители европейских государств активно обсуждают вопрос о сотрудничестве агрессивным планам США в Азии.

Но главная тема подобных бесед — это последние выступления Советского Союза по германской проблеме: советская нота от 13 ноября и опубликованные в воскресенье ответы товарища В. М. Молотова на вопросы корреспондента «Правды». Ясное и твердое заявление о том, что СССР не намерен безразлично наблюдать, как вскармливается немецкий милитаризм, расценивается здесь как в высшей степени важный, полезный и своевременный вклад в дело мира.

Каждый день дает свидетельства непрестанно крепнущей дружбы и солидарности представителей разных наций. 20 ноября состоялась встреча посланцев азиатских государств. Здесь присутствуют делегаты десяти стран Азии — СССР, Китая, Индии, Пакистана, Японии, Кореи, Вьетнама, Бирмы, Индонезии и Малайи, — обратился к собравшимся индийский писатель К. А. Аббас и высоко поднял вверх две руки, — мы словно ладони на этих руках. Пусть же наша дружба будет подобна долговому и крепкому рукопожатью!

В тот же день прошла встреча объединенной делегации Германии с делегацией Советского Союза. Участники сессии получили послание от Поля Робсона. Как известно, американские власти запретили Робсону выезжать за пределы США. Но его голос пересек границы и прозвучал в зале сессии: «Мы, американские борцы за мир, находимся в стране главных поджигателей войны и потому несем бремя огромной ответственности. Но мы верим, что победит стремление народа к миру, дружбе и здоровому смыслу...»

Бурной овацией встретили делегаты слова Поля Робсона, зная, что это — голос передовых людей Америки. Сессия заслушала доклад: Э. Буropa (Англия) — «Действия миролюбивых сил в целях обеспечения разоружения и запрета оружия массового уничтожения»; Хосе да Фрота Морейра (Бразилия) — «Положение, сложившееся в Южной Америке в результате вмешательства во внутренние дела наций»; К. А. Аббаса (Индия) — «Подготовка к созыву в течение первого полугодия 1955 года ассамблеи представителей сил мира всех стран».

Всякий раз, когда мы приезжаем в Стокгольм, в эту красивую столицу талантливого трудового шведского народа, мы с волнением вспоминаем день, когда раздался здесь первый призыв на борьбу человечества против атомных бомб. Отсюда пошло в мир воззвание, требующее запрета применения оружия массового уничтожения. 1/3 человечества поставила свои подписи под этим воззванием.

С тех пор прошло четыре года. Мы уверены, что благодаря этому воззванию воли сотен миллионов людей не повторились в Корею ужасы Хиросимы. Но угроза не исчезла, не утихла. Она все время стоит перед нами. О ней нам беспрестанно напоминают. 25 октября этого года генерал Гронтнер — главнокомандующий вооруженными силами Северо-атлантического союза — открыто заявил, что вооруженные силы Северо-атлантического союза наметили в будущей войне применить атомное оружие. Еще раньше, 8 октября, заместитель главнокомандующего вооруженными силами Северо-атлантического союза Монтгомери сказал турецким журналистам, что Атлантический союз применит атомное оружие. Я цитирую только высказывания самых компетентных людей, тех, кто имеет возможность выполнять угрозы, людей, которые стоят во главе военных сил Северо-атлантического блока. Если бы приводить здесь высказывания разных западных политиков, военных деятелей, журналистов и их европейских друзей из лагеря поборников войны, — это можно было бы делать без конца.

Зная о том, что народы решительно осуждают планы использования атомного оружия, и Гронтнер и Монтгомери сошли с ума, мы говорим себе, что они присягают это оружие «в случае агрессии». Но кого успокоит эта оговорка? Из опыта мы знаем, что тот, кто хочет развязать войну, всегда найдет предлог, чтобы обвинить другую сторону в агрессии. Так еще недавно поступали немцы и японские империалисты. Старая народная сказка о волке и овце прекрасно излагает эту правду об агрессии. Не безразлично будет здесь напомнить, что именно политики США создают препятствия в определении агрессии и принятии конвенции по атому вопросу.

Для меня, советского человека, эти оговорки «в случае агрессии» звучат особенно фальшиво. Что бы кто ни говорил, как бы ни извращали факты, они остаются фактами. А они таковы, что Советский Союз постоянно, последовательно и беспрерывно ведет мирную политику и постоянно, последовательно и настойчиво, независимо от обстоятельств, велел борьбу за запрет атомного и водородного оружия, за ограничение вооружений вообще.

Всем миру известно, что еще в декабре 1945 года на Московском совещании министров иностранных дел по инициативе советской стороны было принято решение рекомендовать Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций учредить специальную комиссию для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии.

С 1946 года по 1954 год вопрос о запрете оружия массового уничтожения ставился советскими представителями на всех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и в комиссиях по атомной энергии. В 1946 году в ответах президенту телеграфного агентства Юнайтед Пресс Хью Бейли и в беседах с Эллиотом Рузвельтом, а также в 1947 году в беседе со Стасеком И. В. Сталин подтвердил стремление Советского правительства добиться запрета атомного оружия и установления международного контроля над производством атомной энергии.

Точка зрения нашей страны на вопрос о запрете оружия массового уничтожения не изменилась и после того, как мы овладели секретом атомной, а затем и водородной бомбы. Корнейчук остановился затем на борьбе Советского Союза на Генеральной Ассамблее ООН за запрещение оружия массового уничтожения и, в частности, на последних советских предложениях по атому вопросу.

Горький опыт XX века показал, что самая глубокой, самой существенной и самой реальной опасностью для мира и мирной жизни Европы является германский милитаризм. Дважды двинувшийся против Европы, дважды разбитый ценой жизни миллионов, он снова воскресает и снова встает перед нами, и мы не должны недооценивать эту опасность, тем более, что на этот раз его хотят вооружить оружием массового уничтожения — атомным оружием.

Вспомните, друзья, в конце войны Гитлер перед лицом надвигающегося разгрома обещал своим генералам скорую победу благодаря применению особого секретного оружия. Уже гремели пушки под Берлином, но Гитлер еще верил в победу. Он ее обещал... Он не успел. Стремительность атак советских армий и напор союзников не дали закончить фабрикации атомного оружия, уничтожили сумасшедшие планы гигантского преступления. Но хотя Гитлер ушел, — его генералы остались. Те же самые, которые огнем и кровью залили Украину, Белоруссию, часть русской земли, Францию, Норвегию, бомбили, разрушали Ленинград и Лондон, Севастополь и Киев, Сталинград и Ковентри. Остались те же группы, которые вырастили Гитлера.

Вот план, который не успел осуществиться Гитлер и который теперь снова подвзвучен и пущен в ход организаторами замкнутой военной группировки Северо-атлантического блока. Десять лет спустя после смерти Гитлера они хотят вручить немецким милитаристам то, чего они не дожидались в 1945 году, — оружие массового уничтожения. Какие же основания мы имеем думать, что это самое ужасное оружие они захотят применить иначе и в других целях, чем применяли пушки, газы в 1914—15—16 годах, чем применяли танки и самолеты в 1939—40—41 годах?

Немецким милитаризмом дважды разорил Европу и дважды навлек несчастья и страдания на немецкий народ. И теперь при помощи парижских и других договоров население Западной Германии вновь хотят отдать на растерзание милитаристам. Вот почему сегодня народы мира должны утратить свою энергию в борьбе за запрещение термоядерного оружия, за сокращение всех видов вооружения.

Мы не можем не отметить, что в США особенно в последнее время все громче звучат голоса представителей различных слоев общества, требующих прекратить гонимую вооружения и запретить термоядерное оружие. От всей души мы желаем великому американскому народу успехов в этом благородном деле борьбы за мир и добрую волю между народами.

Народы мира требуют, чтобы величайшие достижения науки — расщепление атомного ядра — никогда не применялось как разрушительная сила, а было обращено исключительно на пользу человеку. В Советском Союзе впервые в мире атомная энергия поставлена на службу народу. В правительственном заявлении от 1 июля 1954 года было сказано, что в СССР успешно завершены работы по проектированию и строительству первой промышленной электростанции на атомной энергии мощностью в 50—100 тысяч киловатт.

Сегодня в Советском Союзе все больше применяется атомная энергия в сельском хозяйстве, промышленности, медицине и многих других отраслях хозяйства страны. Деятельность Советского правительства, направленная на достижение соглашения о запрете оружия массового уничтожения, встречает горячую поддержку народов нашей страны. Под Стокгольмским воззванием, требующим запрещения атомного оружия, в СССР подписались более 115 миллионов человек — все взрослое население Советского Союза. Наша периодическая печать, художественная, научная и техническая литература широко освещают вопросы борьбы за запрещение оружия массового уничтожения и использование атомной энергии в мирных целях.

Усилия советского народа направлены на то, чтобы как можно скорее широко внедрить во все области мирной жизни атомную энергию, и нам непонятно, почему сегодня в США и в некоторых западных странах ведется усиленная кампания против «необезопасного атомизма» по поводу возможности быстрого применения атомной энергии для мирных нужд. Нам непонятно, почему политики этих стран вдруг впали в черную пессимизм вопреки здравому смыслу, вопреки огромным достижениям науки, почему они с таким усердием доказывают, что экономически выгодные атомные электростанции появятся не раньше 1975 года. Поддерживая принцип международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, мы вместе с тем не можем не отметить, что решение этого вопроса отнюдь не снимает с повестки дня важнейшую проблему, волнующую народы, проблему запрещения военного использования этой могучей энергии. Только безоговорочное запрещение атомного оружия создаст действительные условия для мирного использования атомной энергии, поставит величайшую силу природы на службу человеку, создаст невиданные перспективы быстрого накопления богатств, круглого подъема жизненного уровня для всех народов.

Наша сессия проходит во время лихорадочной подготовки к ратификации лондонских и парижских соглашений, которые полностью развязывают немецким рванцам руки, ведут к неудержимой гонимке вооружения, к полному возрождению германского милитаризма — злейшего врага народов Европы.

Ратификация лондонских и парижских соглашений делает невозможным объединение Германии, приведет к расколу Европы и подорвет возможность урегулирования неразрешенных европейских проблем. Учитывая эти обстоятельства и желая предотвратить нависшую над Европой угрозу, Советское правительство недавно обратилось ко всем европейским государствам и к США с предложением создать общеевропейское совещание по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе. Имеется в виду, что в этом совещании примет участие в качестве наблюдателя и представитель Китая, этой великой державы, несущей наряду с СССР, США, Англией и Францией ответственность за мир и безопасность во всем мире. В этой ноте сказано, что: «Интересы обеспечения безопасности европейских народов требуют того, чтобы развитие в Европе пошло не по гибельному пути восстановления германского милитаризма и образования в Европе противопоставленных друг другу военных блоков государств, а по пути создания системы общеевропейской безопасности, основанной на учете законных интересов всех государств Европы, больших и малых». Не подлежит сомнению, что если западные державы откажутся от своего предложения и будут добиваться реализации парижских соглашений, то миролюбивые народы Европы не смирились с этим и рассмотрят новые необходимые мероприятия в интересах обеспечения своей безопасности и обороны. Мы должны со всей серьезностью осознать, что настал новый этап в борьбе за коллективную безопасность в Европе. Мы должны призвать народы мира еще более настойчиво и еще более решительно потребовать безотлагательной встречи четырех правительств, не допустить губительной для дела мира ратификации парижских договоров. Мы должны ясно поставить вопрос, что только совещание всех европейских государств по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе может обеспечить длительный и прочный мир в Европе. Советское конструктивное предложение, открывающее большие мирные перспективы, не может не найти глубокий отклик в сердцах народов.

Советский Союз внес свои предложения по вопросу о европейской коллективной безопасности на берлинском совещании и обратился к другим державам, чтобы они внесли свои предложения по атому вопросу. В смешанном положении ставят себя вдохновители парижских и лондонских соглашений, которые сегодня делают вид, что впервые узнали о предложении Советского Союза о коллективной безопасности в Европе только из советской ноты. Но мы понимаем, им действительно не было времени изучить советские предложения, так как они последние месяцы больше жила в самолетах, не жала спя, день и ночь трудился над тем, чтобы расколоть Европу.

Советский Союз внес свои предложения по вопросу о европейской коллективной безопасности на берлинском совещании и обратился к другим державам, чтобы они внесли свои предложения по атому вопросу. В смешанном положении ставят себя вдохновители парижских и лондонских соглашений, которые сегодня делают вид, что впервые узнали о предложении Советского Союза о коллективной безопасности в Европе только из советской ноты. Но мы понимаем, им действительно не было времени изучить советские предложения, так как они последние месяцы больше жила в самолетах, не жала спя, день и ночь трудился над тем, чтобы расколоть Европу.

«Вооружить Германию — это значит продолжать гонимку вооружения, это значит играть с огнем. Наши лидеры опираются, говоря с нами об армиях и пушках, вместо того чтобы говорить с нами о хлебе и заработной плате».

«Я являюсь противником парижских соглашений так же, как я был противником европейского оборонительного сообщества, причем по тем же самым причинам...»

пооружить Западную Германию, и делами коллективной безопасности. 9 ноября этого года два города — Сталинград и Ковентри — подписали совместное обращение в Организацию Объединенных Наций по поводу запрета атомного оружия и изъятия его с вооружения государств. Два города, которые лицом к лицу столкнулись с ужасами войны, которые два дня испили горькую чашу и глубоко осознали, что означает беспрестанный гул бомб, разрушающих целые кварталы, когда погибает и исчезает то, что на протяжении долгих лет создавали, строили, поднимали вывес целые поколения.

Далеко от Сталинграда до Ковентри. На разных языках говорят люди-маршеры Ковентри и председатели исполкома Сталинградского горсовета. Разной жизнью живут жители Ковентри и жители Сталинграда, но когда речь идет о спасении городов, о спасении сотен тысяч живых существ, они нашли общий язык, одинаковые чувства и одинаковые слова для подтверждения воли к миру, для подтверждения непоколебимого мужества в борьбе за мир.

Разве для выражения этого живущего в сердцах миллионов стремления к миру не найдут общих слов для превращения их в жизнь, не найдут общей дороги все города Европы, все города и деревни мира, где живет человек, любящий мир, требующий мира, борющийся за мир? Разве не найдет человечество достаточно могучих слов и достаточно могучих действий, чтобы предотвратить войну? Нет, человечество скажет свое слово, встанет, как нерушимая платина, о которой разобьются все планы поджигателей войны и поклонников массовой смерти, проповедников уничтожения.

Враги мира, ослепленные разрушительной силой атомного оружия, еще так недавно утверждали, что можно в современных условиях выиграть войну без людей, без армий. Но сторонники мира показали, что нет и не может быть большей силы на нашей земле, чем сила народов, когда они объединяются в священном деле борьбы за мир, за сотрудничество и дружбу. Поэтому новые претенденты на мировое господство сегодня делают все, чтобы развести народы, расколоть Европу и Азию при помощи агрессивных замкнутых блоков, разжечь ненависть между нациями, народами и государствами, чтобы заставить миллионы людей безропотно умирать в солдатской шинели во имя маньякальских идей владычества над миром.

Но мы, сторонники мира, с полной ответственностью отвечаем сторонникам войны с этой трибуны — опоздали, господа! Опоздали потому, что сегодня против вас встает сотни и сотни миллионов сторонников мира, сплоченные, организованные, а с ними все движения и организации, которые дорожат миром.

Опоздали, господа, потому, что сегодня миролюбивые государства — это не отдельные острова среди будущего моря, а неприступные крепости, оплот и надежда всех людей мира, которым дороги жизнь, национальная независимость, дорог своя национальная культура, дорог великий созидательный труд многих поколений своего народа.

Опоздали, господа, потому, что в борьбе против врага человечества — фашизма — простые люди всех народов и наций не повели друг друга, почувствовали свою неизмеримую силу в братском единении, и никому не удалось это великое чувство братства народов, осязаемое драгоценной кровью лучших сынов и дочерей, павших в борьбе с гитлеровцами, растоптать во имя много раз битых гитлеровских генералов.

Генерал-лейтенант А. А. Игнатьев

20 ноября с. г. после продолжительной болезни умер генерал-лейтенант в отставке Игнатьев Алексей Алексеевич. А. А. Игнатьев родился в 1877 году. Получив широкое военное образование в Бадетском и Пасекском корпусах и Академии Генерального Штаба русской армии, он в 1904 году участвовал в русско-японской войне, а в дальнейшем находился на военно-дипломатической работе.

Октябрьская социалистическая революция застала А. А. Игнатьева во Франции. В числе лучших представителей русской военной интеллигенции, как истинный патриот, он без колебаний перешел на сторону Советской власти и посвятил всю свою дальнейшую общественно-политическую деятельность социалистической Отчизне. До 1937 года А. А. Игнатьев находился на советской дипломатической работе во Франции. По возвращении в Советский Союз занимал ряд ответственных должностей в высших военно-учебных заведениях и в Военном издательстве Министерства Обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны выступал, как публицист, со статьями в центральной военной и фронтовой печати.

А. А. Игнатьев был членом Союза советских писателей. Им написана книга «Пятьдесят лет в строю», получившая широкое признание советских читателей. Память о генерал-лейтенанте А. А. Игнатьеве надолго останется в наших сердцах.

К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, А. М. Васильевский, Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, А. А. Фадеев, П. Ф. Жигарев, М. И. Неделин, М. С. Малинин, А. С. Желтов, Ф. Ф. Кузнецов, А. А. Суворов, К. М. Симонов, Н. С. Тихонов, Ф. В. Гладков, Б. Н. Полевый, Вс. Иванов, П. П. Вершигора, Б. А. Лавренев, Л. В. Никулин.

Издешение от Министерства Обороны Союза ССР

Министерство Обороны Союза ССР с глубоким признанием извещает о смерти одного из достойных представителей старых русских военных кадров, ставшего с первых дней Октябрьской революции в ряды советских людей, генерал-лейтенанта в отставке Алексея Алексеевича ИГНАТЬЕВА, последовавшей 20 ноября 1954 года, и выражает соболезнование семье покойного.

ОТ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН генерал-лейтенанта А. А. ИГНАТЬЕВА

Гроб — с телом генерал-лейтенанта А. А. Игнатьева установлен в Центральном Доме Литераторов (ул. Воровского, 50). Доступ для прощания с покойным открыт с 10 часов утра 23 ноября 1954 года. Вынос тела в 15 ч. 30 м. Похороны состоятся на Ново-Девичьем кладбище.

Отделение литературы и языка Академии наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького и президиум Союза советских писателей с глубоким признанием сообщают о предвечерней смерти ученого секретаря отделения, старшего научного сотрудника института, литературоведа и критика Ивана Васильевича СЕРГИЕВСКОГО, последовавшей 20 ноября после непродолжительной, тяжелой болезни, и выражают соболезнование семье покойного. Гражданская панихида состоится 23 ноября, в 12 час. дня, в помещении отделения — Волхонка, 18.

Открытие фестиваля польских фильмов

В Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе и Львове 22 ноября начался фестиваль фильмов Польской Народной Республики. В Московском Доме кино состоялось открытие фестиваля. Открывая фестиваль, заместитель министра культуры СССР Н. Охлопков сказал, что фестиваль является одним из проявлений нерушимой дружбы между двумя странами. На вечере выступили секретарь исполкома Моссовета Б. Родионов и кинорежиссер С. Юткевич. Тепло было встречено выступление заместителя председателя Центрального управления по делам кинематографии Польской Народной Республики Л. Войтыга. На открытии фестиваля присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Польской Народной Республики в СССР В. Левковский.

Игра теней. Рисунок худ. Вановы из итальянского журнала «Лаворо»

ЦИТАТЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Восстанавливая силы агрессии и ревнущая в Западной Германии, враги мира пытаются обмануть общественное мнение, притупить бдительность народов. Американская пропаганда и ее подголоски в европейских странах уверяют, будто в рамках «западноевропейского союза» и атлантического блока западногерманские вооруженные силы не будут угрожать миру и безопасности в Европе. Но общественность западноевропейских стран не дает себя обмануть. Все люди доброй воли, искренние друзья мира, независимо от политических взглядов и убеждений, протестуют против возрождения германского милитаризма, будь то под видом «европейского оборонительного сообщества» или «западноевропейского союза». Они решительно требуют принятия советских предложений о созыве Общеевропейского совещания по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе. Мы помещаем ниже рисунок из итальянского журнала «Лаворо» и цитаты из высказываний политическими деятелями и газет Франции и Западной Германии, свидетельствующие о полных настроениях европейской общественности.

«Я являюсь противником парижских соглашений так же, как я был противником европейского оборонительного сообщества, причем по тем же самым причинам...»

«И лондонские и парижские решения исключают мирное воссоединение, которое отвечало бы стремлениям немецкого народа и являлось бы проявлением истинного суверенитета. Надо использовать возможности переговоров с Востоком».